

**Дарья Никитина, Екатерина Ходжаева,
Дмитрий Серебренников**

Как и кем творится судебная экспертиза: эксперты в контексте межведомственных взаимодействий

при участии Станислава Румянцева
и Александры Белянской

аналитический отчет

УДК 316.354
ББК 60.55, 60.5

Рецензенты:

Денис Савельев, научный сотрудник ИПП ЕУСПб, канд. юрид. наук
Михаил Фокин, начальник Государственного учреждения здравоохранения
Тюльской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы», ЕМВА

Дарья Никитина, Екатерина Ходжаева, Дмитрий Серебrenников. Как и кем творится судебная экспертиза: эксперты в контексте межведомственных взаимодействий / при участии Станислава Румянцева и Александры Белянской – СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2024. – (Аналитические отчеты по проблемам правоприменения; вып. 1 (2024)). – 64 с.

ISSN 2307-2032 online

ISSN 2306-6520 print

Отчет представляет исследование организационных, профессиональных и институциональных аспектов работы судебных экспертов в России. Именно эти профессионалы оценивают и производят доказательства по уголовным и гражданским делам, которые определяют решения следствия и суда о виновности. Исследование сосредоточено на двух группах экспертов: судебных медиках и экспертах-криминалистах из экспертно-криминалистических центров МВД и Министерства юстиции. Рассматриваются различия в профессиональной социализации и карьерном продвижении этих групп, а также рутинные аспекты производства экспертиз в конкретных институциональных условиях. Тем самым исследование преодолевает нормативный образ эксперта, в одиночку производящего «истину» для следствия и суда. В реальности любая экспертиза – коллективный продукт, включающий как руководителей экспертных учреждений и вспомогательный персонал, так и контрагентов: следователей и судей как заказчиков экспертизы.

Авторы благодарят коллектив Института проблем правоприменения при ЕУСПб, в особенности его бывшего руководителя Кирилла Титаева, за вклад в развитие проекта, полезные советы и рекомендации. Мы также благодарим рецензентов отчета, которые внимательно и скрупулезно отредактировали его и внесли необходимые правки. И, конечно, мы выражаем особую признательность всем профессионалам – экспертам, следователям, судьям, адвокатам, – принявшим участие в исследовании и оставшимся, как это было согласовано, анонимными. Без их интервью мы не смогли бы погрузиться в мир судебной экспертизы.

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие утверждению принципа верховенства права и равенства перед законом посредством проведения и популяризации научных исследований, а также развития обучающих программ в области эмпирического изучения права. Деятельность института поддерживается Сбербанком, ПАО «МТС», Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/лит. А.,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

Настоящее издание может свободно и без получения особого разрешения правообладателя распространяться в электронном виде при условии, что копирование и/или распространение не преследует целей извлечения прибыли, сохраняется указание имен авторов и правообладателя и не модифицируется, включая конвертацию в другие форматы файлов, оригинальная электронная версия издания, которую можно загрузить с сайта – www.enforce.spb.ru.

© Коллектив авторов, 2024

© Институт проблем правоприменения
при Европейском университете
в Санкт-Петербурге, 2024

EXECUTIVE SUMMARY

Институт проблем правоприменения исследовал работу судебных экспертов. Именно эти профессионалы оценивают и производят доказательства по уголовным и гражданским делам, определяющие решения следствия и суда о виновности. Мы опросили две группы экспертов: судебных медиков и экспертов-криминалистов из экспертно-криминалистических центров МВД и Министерства юстиции.

Имея общий с другими врачами образовательный трек (обязательное медицинское образование) и будучи включенными в учреждения здравоохранения, судебно-медицинские эксперты мыслят себя как представителей медицины. Эксперты-криминалисты в редких случаях имеют обязательное профильное образование. Эта группа более инклюзивна к бывшим работникам других подразделений правоохранительных органов или даже к внешним людям.

Нормативный контекст ставит фигуру эксперта в центр производства доказательств для следствия и суда. Однако исследование показало, что экспертиза — всегда коллективный труд. Эксперты горизонтально консультируют друг друга, опираются на выводы своих коллег, включенных в производство какой-то части экспертизы. Значим оказывается вклад лаборантов и другого вспомогательного персонала. Для производства экспертизы важны также имеющиеся в бюро или центре наработки и шаблоны.

Судебные эксперты работают в конкретных ведомственных иерархиях и условиях подчиненности, которые создают институциональные стимулы и влияют на результаты. Так, ключевые характеристики экспертной деятельности в ЭКЦ МВД: 1) тесная связь карьерного роста с системой званий, 2) множественность показателей для оценки, установка на «манипулирование» ими и 3) значительное количество контрольных подразделений, следящих за их соблюдением. Эксперты Минюста имеют организационную вертикаль только внутри собственного министерства. Это делает их более независимыми от правоохранителей с точки зрения рабочего процесса, но и лишает их привилегий, имеющихся у сотрудников МВД, в первую очередь — социальных льгот и более высокой заработной платы. Бюро судебной-медицинской экспертизы организационно не зависят от правоохранительных органов, однако подчинены комитетам, министерствам и прочим органам субъектов РФ в сфере охраны здоровья граждан, а неформально связаны с администрациями больниц, с которыми они часто соседствуют территориально.

Для суда и следствия важная финальная часть экспертизы — заключение. Оно переходит почти без изменений и правок в решения по делу. Но при этом в юридическом поле часто теряется тот факт, что утверждение эксперта нередко вероятно.

Будучи самой институционально слабой стороной в уголовном процессе, адвокаты лишены возможности назначения экспертизы. Однако они могут прибегать к достаточно большому количеству тактических приемов и уловок для защиты интересов своего клиента: консультации с экспертами в рамках превентивной защиты, оспаривание экспертиз по процессуальным недочетам, вызов экспертов в суд в статусе специалистов для того, чтобы поставить под сомнение корректность имеющейся в деле экспертизы.

СОДЕРЖАНИЕ

Executive summary	3
ВВЕДЕНИЕ: ФЕНОМЕН ЭКСПЕРТИЗ	5
ЭКСПЕРТЫ: ОБРАЗОВАНИЕ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ	9
Образование	10
Первые шаги в профессии и освоение новых экспертных специальностей	12
Профессиональная идентичность	14
Карьерные траектории	16
Рекрутинг в экспертные учреждения	19
ЭКСПЕРТИЗЫ	20
Экспертиза как документ	20
Экспертиза как процесс	22
ЭКСПЕРТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ	27
Судебно-медицинские бюро – двойная субординация	27
Экспертный центр: «пасынок» своего ведомства	36
ЗАКАЗЧИКИ И КОНТРАГЕНТЫ	45
Следствие и правоохранительные органы	45
Суд	51
Адвокаты (защитники по уголовному делу)	55
ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	60

Перечень сокращений и обозначений

В настоящем отчете применяют следующие обозначения и сокращения:

БСМЭ – бюро судебно-медицинской экспертизы

ГСМО – городское судебно-медицинское отделение

РСМО – районное судебно-медицинское отделение

РЦСМЭ – Российский центр судебно-медицинской экспертизы

РЦСЭ – региональный центр судебной экспертизы

СОГ – следственно-оперативная группа

ФМБА – Федеральное медико-биологическое агентство

ЭКЦ – экспертно-криминалистический центр

ВВЕДЕНИЕ: ФЕНОМЕН ЭКСПЕРТИЗ

Российский телезритель обычно представляет себе судебного эксперта как специалиста-ученого, активно вовлеченного в расследование и помогающего установить истину. В сериалах и кино судебный эксперт нередко стоит как бы над спором сторон: он¹ так же, как и суд, может оказаться и на стороне обвинения, и на стороне защиты, поставив в ходе исследования последнюю точку в споре. Экспертное знание медийно представляется на службе закона, оно помогает правоохранителям оправдать невиновных и доказать вину преступника. Этот медиаобраз, начиная от советского сериала «Следствие ведут знатоки» до современных, таких как «СЛЕД», изображает эксперта как полноценного и вовлеченного участника рабочей группы, расследующей дело и объединяющей детективов (оперативных сотрудников) и следователей. Реальная институциональная принадлежность и формальные аспекты работы экспертов остаются за кадром.

Исследования Института проблем правоприменения при ЕУСПб² ранее показали, что реальность российского правоприменения состоит в том, что неформальная рабочая группа на деле сдерживается интересами ведомств и организационными стимулами. Каждый профессионал, включенный в расследование уголовного дела, в большей степени ориентирован на бюрократические принципы работы организации, нежели на общность целей. Например, статистически в МВД следователей больше, чем оперативных уполномоченных³, при том, что последние участвуют в раскрытии уголовных дел не только «своего» следствия, но и следователей Следственного Комитета России (далее – СК). Это тем более справедливо для экспертов, сопровождающих уголовные дела. Лишь только малая часть из них так или иначе работает с оперативными сотрудниками в одном ведомстве, а значительная часть судебных экспертов трудится в других учреждениях и связана с ними бюрократической логикой значительно в большей степени, нежели это показывается в кино.

Но в чем-то кинообраз эксперта верен: российские суды, действительно, очень зависят от экспертизы, хотя ни один из процессуальных кодексов (ни уголовный, ни гражданский, ни таможенный, ни кодекс административного судопроизводства) не ориентирует суд на большее доверие к экспертному знанию нежели к другим доказательствам по делу. Напротив, действующее законодательство постулирует необходимость рассматривать доказательства целостно и во всей их совокупности⁴. Однако реальность такова, что сегодня именно экспертиза, а не «признание вины», как это видится обывателям, является по сути «царицей доказательств». Процессуальные кодексы связывают назначение экспертизы с необходимостью в «специальных познаниях» для решения конкретного юридического вопроса по делу. В определенной мере экспертное заключение и эксперт с комплексом научных знаний как бы снижают дискрецию судьи при принятии решения. При наличии экспертизы, результаты которой представляются суду достоверными, судья в значительной степени опирается на нее, что облегчает ему соблюдение надлежащей процедуры проведения процесса и принятие решения по делу.

¹ В данном отчете, когда не имеется в виду конкретная личность, мы говорим об экспертах в мужском роде для лучшей читаемости текста. В реальности экспертные должности занимают как мужчины, так и женщины.

² Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018; Волков В. В. и др. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2015. – С. 56; Бочаров Т. и др. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Часть I. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2016.

³ Титаев К. Д., Шклярук М. С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность : монография – М. : Норма, 2016.

⁴ УПК РФ Статья 17. Свобода оценки доказательств – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/989cf5fde0b4d552c3c4debbad2399a655b43fac/ (дата обращения 24.06.2024); ГПК РФ Статья 67. Оценка доказательств – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/d70ec545bc657d409c92ce89d801f20ced32e1d2/ (дата обращения 24.06.2024).

В рамках опроса Института проблем правоприменения, проведенного в 2014 году⁵, судьям, рассматривающим уголовные дела, был задан вопрос о том, каким источникам сведений о фактах они отдают предпочтение. Оказалось, что чаще всего опрошенные называют заключение эксперта: более трех из четырех опрошенных (см. Рис. 1). Чуть меньше (70%) они опираются на показания свидетелей, и двое их трех – на показания потерпевшего. Интересно, что отдают предпочтение вещественным доказательствам лишь двое из пяти опрошенных судей, а показаниям подсудимого – чуть больше четверти. Остальные источники сведений получают предпочтение у еще меньшего числа судей. Самый минимум доверия судей представляют документы, предоставляемые стороной защиты, и речи адвокатов-защитников (3–4%). Это говорит о том, что большее значение имеют те сведения, которые собираются и оцениваются следователями и дознавателями на досудебной стадии.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Из источников сведений о фактах Вы отдаете предпочтение (не больше трех ответов)».

Источник: опрос ИПП ЕУСПБ, 2014 г., респонденты: судьи, рассматривающие уголовные дела (1184 чел.), расчеты авторов

Доверие к разным видам экспертизы может различаться. Например, в последнее время имеются проблемы, связанные с противоречиями в экспертизах по делам экстремистской направленности и по религиозными вопросам. В адрес некоторых экспертов, выполняющих экспертизу, было высказано много критики и исследователями, и их коллегами экспертами. Лингвистическая и религиозно-этическая экспертизы представляются обывателям полными субъективных представлений экспертов⁶. На этом фоне экспертные заключения, полученные в рамках более точных и проверенных методик, воспринимаются как более достоверные.

В данном отчете мы сосредоточимся на двух типах экспертиз: криминалистических и судебно-медицинских. До 1990-х гг. криминалистические экспертизы проводились только в экспертных

⁵ Стоит учитывать, что за 10 лет, прошедших с момента проведения опроса, ответы судей могли поменяться. Тем не менее мы опираемся на выбранный источник по причине отсутствия более актуальных данных по этому вопросу.

⁶ Dubrovskiy D. "What from a scientific point of view is understood..." or The Academic Community and "Humanitarian" Forensic Expert Testimony on Extremism in Russia Today // *Statutes & Decisions*. Т. 54, no. 5–6. – 2020. – P. 198–216; Дубровский Д. Специальные судебные эксперты-от защитников меньшинств до цензоров // *СоциоДиггер*. Том 3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. – 2022. – С. 35–36; Shterin M., Dubrovsky D. Academic expertise and anti-extremism litigation in Russia: Focusing on minority religions // *The Soviet and Post-Soviet Review*. Т. 46. – №. 2. – 2019. – P. 211–236. Дмитрий Дубровский (*) признан Минюстом РФ иностранным агентом.

учреждениях МВД, КГБ, таможенных органов и Министерства юстиции (далее – Минюст), однако после распада СССР и изменения структуры ведомств свои экспертизы появились также у МЧС России, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (упразднена с 2016 года), а также в огромном количестве частных экспертных учреждений. В нашем отчете мы описываем работу экспертных учреждений в МВД и Минюсте, так как в отличие от экспертных центров при специализированных органах они предоставляют экспертизу для наиболее широкого спектра дел.

Вторым объектом исследования в отчете является судебно-медицинская экспертная деятельность в России. Она осуществляется рядом экспертных учреждений⁷, но самый массовый вклад вносят эксперты бюро, подведомственных региональным комитетам и министерствам по здравоохранению. Важно, что судебная медицина – это прежде всего врачебная специальность, и в отличие от экспертов-криминалистов, судебным медиком редко можно стать, не пройдя годы обучения в медицинском вузе⁸. В последние годы заметен вклад судебно-медицинских экспертов в публичное поле. Опубликован ряд научно-популярных книг⁹, востребованными у широкой публики оказываются телеграм-каналы. Это интереснейший материал, однако он мало что рассказывает о повседневных рутинных и организационных аспектах работы. Чаще всего в фокусе внимания таких публичных источников, написанных самими экспертами, находится то, что интересно им самим как медицинским профессионалам: найденные аномалии, сложные и часто исключительные случаи. Судебная медицина, как и любая другая врачебная специальность, имеет многолетний опыт самоописания: мало какая конференция судебных медиков обходится без обсуждения организационно-технических вопросов. Однако такие отчеты и внутренние обсуждения часто понятны только специалистам. Данный отчет нацелен на то, чтобы восполнить пробел в публичном поле и описать организационные стимулы и условия работы судебных экспертов для широкой публики понятным языком. Кроме того, отчет является результатом в первую очередь эмпирического исследования и в меньшей степени стремится описать дискуссии об организации экспертов и экспертных бюро в научной литературе¹⁰.

При описании опыта экспертов-криминалистов и судебных медиков мы часто будем соотносить их практики работы с нормативно-правовым контекстом функционирования экспертной деятельности в России и ее процессуальным регулированием в рамках уголовного расследования и гражданских споров. Деятельность экспертов, работающих в экспертных учреждениях, регламентируется специальным федеральным законом¹¹. Согласно ему и ряду других нормативных актов, судебно-экспертные учреждения имеют двойную систему институциональной субординации – профессиональную и административную. В России экспертные учреждения разделены по ведомственной принадлежности, за рубежом же существуют другие модели построения системы бюро, например, через создание многопрофильных экспертных центров. Кроме того, отличие российской экспертной системы (в первую очередь это касается судмедэкспертизы) в том, что

⁷ Судебная медицинская деятельность реализуется через учреждения, подотчетные а) Российскому центру судебно-медицинской экспертизы (ФГБУ РЦСМЭ) при Министерстве здравоохранения России; б) Федеральному медико-биологическому агентству (ФМБА); в) Министерству обороны РФ; г) с июля 2020 года – Судебно-экспертному Центру при Следственном Комитете России.

⁸ Исключение составляют те сотрудники бюро, которые работают в химических и биологических подразделениях.

⁹ Решетун А. Вскрытие покажет: Записки увлеченного судмедэксперта. – М.: Альпина Паблишер. – 2017; Ломачинский А. Записки судмедэксперта. – М.: АСТ. – 2022.

¹⁰ Мы также обращаем читателя к более ранним социологическим текстам Масловской Е. В. (Масловская Е. В. Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Российский Журнал Правовых Исследований (3). – 2016. – С. 148–153; Масловская Е. В. Роль эксперта в процессуальных действиях вербального характера (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Процессуальные действия вербального характера. – 2017. – С. 25–34; Масловская Е. В. Социологический анализ взаимодействия юристов и судебных экспертов: теоретико-методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 18(3). – 2018. – С. 404–417.

¹¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения 24.06.2024)

она «массово» проводит исследования и вскрытия. Сам процесс проведения экспертизы в государственном бюро достаточно легко, а главное дешево запустить со стороны обладающего нужными полномочиями контрагента, прежде всего, следователя или суда.

Одновременно процессуальное законодательство постулирует принцип независимости эксперта. Это создает определённый парадокс фигуры эксперта в России: он одновременно и процессуально независимое лицо, и лицо, нанятое учреждением, следовательно, должен функционировать в логике иерархического подчинения. Зависимость и автономность – ключевая проблема данного отчета. Нормативное видение законодательства верхнего уровня понимает эксперта как единичного субъекта – свободного и независимого носителя знания. Но уже ведомственный нормативный контекст (приказы по ведомствам, внутренние правовые акты учреждений) ставят эксперта в зависимость по вертикали (руководство и иерархия) и по горизонтали (коллегиальный контроль, методики, правила рутины, наставничество).

Процессуально эксперт не единственный участник процесса, обладающий специальными познаниями в какой-то научной области и который на основании них может привлекаться к процессу – УПК РФ¹² на схожих основаниях выделяет статус «специалиста», который, однако, обладает значительно меньшим объемом прав. Если давать предельно обобщённое объяснение, то эксперт обладает правом проводить экспертизу по назначению различных участников процесса (чаще всего – органов следствия, дознания или суда), заключение которой признаётся судом как самостоятельный источник доказательства. Специалист же обычно оказывает только консультативную помощь, и его советы или собственное мнение существуют сами по себе, хотя могут быть признаны судом в качестве доказательства, но имеют в реальности меньший вес по сравнению с экспертным заключением.

Основными источниками данных в отчете являются экспертные интервью, собранные в 2018–2019 гг. В двух регионах Северо-Запада России. Всего с октября 2018 по январь 2019 было собрано 24 интервью, из которых 14 информантов – эксперты (6 экспертов-криминалистов и 8 судебно-медицинских экспертов) и 10 – представители юридических профессий (следователи, адвокаты, судьи). Однако стоит отдельно оговориться, что интервью были взяты инсайдером профессионального поля и информанты набирались по методу «снежного кома» знакомых интервьюера и рекомендациям от этих знакомых дальше. В связи с этим в интервью перепредставлена позиция руководителей, а также работников отдела комплексных экспертиз. Эксперты других отделов и рядовые работники оказались недопредставленными. С одной стороны, это снижает детальность данных по типовым рабочим рутинам экспертов, однако с другой – сами руководители являются наиболее опытными экспертами, которые могли осветить более широкий круг вопросов. В целом полученная от экспертов информация отражает позицию, свойственную руководящим или по профессиональным причинам выдающимся представителям экспертной профессии. Стоит также учитывать, что исследуемые регионы (из-за близости к крупному научному центру) являются регионами с хорошим оснащением и статусным положением экспертов, поэтому нужно осторожно экстраполировать выводы исследования на другие регионы страны. Можно условно рассматривать представленные описания экспертной деятельности как «идеальный» случай: если в данном регионе эксперты сталкиваются с какими-то проблемами кадрового, материального или технического характера, то можно предположить, что в других менее ресурсно оснащенных местах ситуация может быть хуже.

Однако для восполнения этого ограничения мы также дополняем их текущими полевыми наблюдениями за повседневной рутинной судебной работой медиков, которые исследовательская команда ИПП начала в 2022 году. В этих же регионах были проведены пять сессий наблюдения полного рабочего дня в трех районных отделениях судебно-медицинских бюро и в одном отделе комплексных экспертиз. Также в феврале и апреле 2024 года был осуществлен выезд в один из регионов Центральной России и проведены наблюдения и беседы под блокнот с представителями

¹² «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 24.06.2024).

всех отделов областного Бюро судебной медицинской экспертизы¹³. Полевые дневники также послужили материалом для этого отчета. Кроме того, последняя часть отчета была дополнена эмпирическими материалами ИПП ЕУСПб в рамках других проектов по исследованию судей, адвокатов и следователей.

Первая часть отчёта посвящена биографическим траекториям экспертов: какое образование они получили, почему выбор работы пал именно на экспертную деятельность, как складывалась их карьера и проч. После этого внимание уделяется непосредственно самим экспертизам и тому, чем отличаются формальные и неформальные позиции делающих их экспертов. Здесь стоит оговориться, что экспертиза в отчете понимается прежде всего как практическая деятельность. Мы не погружаемся в научные тонкости работы, поскольку не обладаем компетенцией в технических вопросах, однако описание самой процедуры и позиций, которые могут занимать в ней разные эксперты, позволяет многое сказать о повседневной деятельности экспертов и обозначить их основные роли и статусы, что будет детальнее раскрыто в других главах. В третьей части отчета мы обозначаем институциональную позицию работника экспертного учреждения: как в целом оценивается работа эксперта, как происходит взаимодействие руководства и обычных сотрудников, какие существуют организационные стимулы в экспертной деятельности. Наконец, в заключительной части наше внимание сосредотачивается на том, как сам процесс производства судебной экспертизы видят её заказчики: в первую очередь следователи, судьи и адвокаты.

ЭКСПЕРТЫ: ОБРАЗОВАНИЕ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Одними из самых массовых экспертиз в уголовном процессе можно назвать судебно-медицинские и криминалистические, хотя в целом выделяется более двух десятков видов экспертиз¹⁴. В нашем исследовании приняли участие эксперты, которые проводят различные судебно-медицинские исследования (исключая судебно-психиатрические), и те, кто занимается экспертным сопровождением широкого круга криминалистических экспертиз (далее мы будем называть их экспертами-криминалистами). Представители второго направления производят большое количество различных видов экспертиз, которые могут быть уникальными. Если опираться на материалы исследований типичных уголовных дел в Санкт-Петербурге¹⁵, можно сказать, что наши информанты создают одни из самых массовых и практически значимых экспертиз для каждого уголовного дела, где есть какие-либо следы злоумышленников, оружия или же имеется факт насильственных действий.

¹³ В полевые выезды с августа 2023 года наравне с авторами отчета включилась Арина Гегельман, магистрантка факультета антропологии ЕУСПб.

¹⁴ См. Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 N 6931). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 24.06.2024)/

¹⁵ Шклярчук М. С., Рабовски Ю. В. Возможности эмпирического метода изучения правоохранительной практики (на примере расследования типичных уголовных дел) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – № 3 (33). – 2015. – С. 15–29.

Образование

Вход в профессию для судебно-медицинских экспертов и экспертов-криминалистов институционально организован по-разному. Конечно, принять решение стать экспертом как медики, так и криминалисты могут на этапе выбора образовательной траектории, то есть поступить в университет¹⁶ и получить специальное образование. Отличие же состоит в том, что возможность стать криминалистом значительно выше на разных этапах карьеры, не только в момент выбора профессии на этапе студенчества, как у экспертов-медиков.

Образовательная траектория судебно-медицинских экспертов не отличается от других врачебных профессий. Необходимо окончить медицинский вуз¹⁷ и за время обучения определиться со специализацией. Принятие решения о специализации происходит либо в начале образовательного пути (со 2–3 курсов студенты начинают посещать научные сообщества по интересам), либо уже на старших курсах, после соответствующего учебного курса. Лишь в редких случаях решение принимается позже. Как пишет А. Решетун, «студент медицинского вуза уже после третьего курса обучения, если не раньше, понимает, какого он склада – терапевтического или хирургического. Если коротко, терапия – это там, где крови или вовсе нет, или она есть, но по минимуму, а хирургия – там, где кровь и тому подобное. И, конечно же, студент, у которого терапевтический склад ума, никогда не пойдет в хирургию, и наоборот, а насильно никто никого никуда не загоняет»¹⁸.

Смена направления деятельности после прохождения всех образовательных этапов для врачей маловероятна, а переход в судебно-медицинскую экспертизу из другой, немедицинской профессии является скорее исключением из «правил» и больше характерен для химических и биологических лабораторий БСМЭ. Единственным исключением является довольно частый переход из «родственной» специальности – патологической анатомии в гистологическое отделение как наиболее близкое по специфике работы (микроскопия объектов). Более распространена ситуация, когда, наоборот, судебно-медицинский эксперт сам получает иную специальность и нередко это – юридическое образование:

Мечта, мечты должны сбываться: я закончила юрфак в [городе N – здесь и далее в квадратных скобках будут сделаны замены авторами отчета с целью анонимизации названий населенных пунктов, имен и прочего]. Ну, второе высшее получила. Т.е. я дурака особо не валяла. Работала, а потом по семейным обстоятельствам мне пришлось уже вернуться навсегда в N [текущий город работы – прим. авторов], и я вернулась в судейку. Я не пошла, да и получала я образование юридическое не для самостоятельной юридической деятельности. Я поняла, что в рамках судебной медицины мне не хватает этого образования. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Для врачей также возможно освоение иной медицинской специальности. При этом регулирующая подобный переход нормативная база все время меняется, что позволяет «держать руку на пульсе» и переходить в том числе в другие клинические специальности, например, реаниматологию или травматологию. Проводятся курсы, после прохождения которых можно получить сертификат о дополнительном образовании и устроиться на работу по другой специальности. Но даже такая опция рассматривается информантами как дополнительный заработок на выходных, потому что именно университетская практика, связи и репутация играют большую роль для входа в профессию и получения первого рабочего места, а дополнительное образование лишь открывает новые опции, но не новое профессиональное поле.

Если судебно-медицинскими экспертами¹⁹ становятся только врачи, то экспертами-криминалистами могут стать представители многих профессий, имеющие диплом о высшем общепрофиль-

¹⁶ Или специальное учебное заведение МВД в случае экспертов-криминалистов.

¹⁷ Здесь и далее, говоря об необходимости медицинского образования, мы исключаем из группы судебных медиков экспертов-химиков, генетиков и биологов, для которых оно не обязательно.

¹⁸ Решетун А. Вскрытие покажет: Записки увлеченного судмедэксперта. – М. : Альпина Паблишер. – 2017. С. 23.

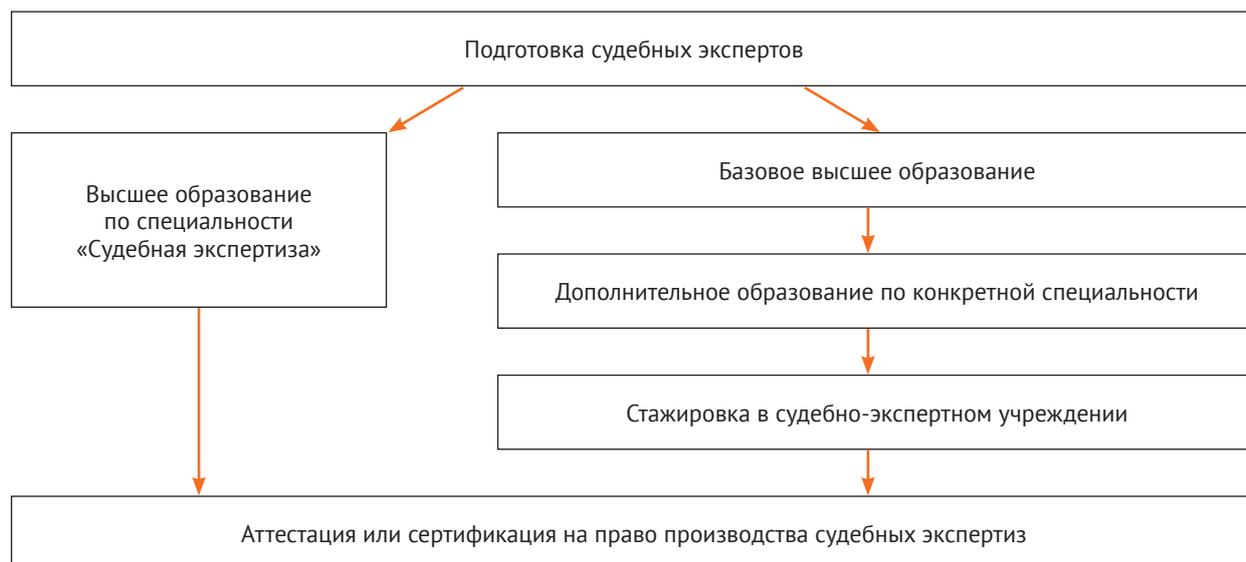
¹⁹ За исключением экспертов-биологов или химиков.

ном образовании. Наличие специальных знаний у криминалистов подтверждают допуски, специальные сертификаты о квалификации, позволяющие выполнять определенные виды экспертиз и выдающиеся на 5 лет с необходимостью подтверждения квалификации после истечения срока. Допуски выдаются либо кафедрами после окончания специализированного вуза, либо экспертно-квалификационными комиссиями. Экспертно-криминалистические факультеты существуют только при некоторых университетах МВД и осуществляют подготовку кадров, имеющих семь базовых допусков: трасологическая экспертиза, дактилоскопическая, портретная, баллистическая, почерковедческая, технико-криминалистическая экспертиза документов, экспертиза холодного и метательного оружия²⁰. За рамками традиционного набора эксперта-криминалиста находятся автотехническая, взрывотехническая, лингвистическая, компьютерная и другие экспертизы.

Комиссии же действуют при государственных экспертных учреждениях в каждом территориальном субъекте РФ, а центральные комиссии собираются на уровне ведомств (например, МВД или Министерства юстиции). Главным образом они состоят из руководителей экспертных центров, преподавателей экспертно-криминалистических факультетов и других профессионалов в данной специальности. Аккредитация экспертов проводится по представлению руководства, в которых содержатся не только формальные данные об образовании и опыте работы, но и оценка профессиональной деятельности эксперта, данная его начальством или вышестоящими коллегами. Для прохождения аттестации эксперту также необходимо предоставить не менее 5 собственных заключений, выполненных им во время учебы (если допуск получается впервые) или работы (если эксперт проходит аттестацию повторно). Эксперту также задаются вопросы по конкретной специальности и вопросы на общее знание криминалистики. Для некоторых допусков экспертам необходимо приезжать в другие крупные города. Так, например, для аккредитации по автотехнической экспертизе экспертам из Северо-Западного региона необходимо съездить в Москву: именно там находится Московский автомобильно-дорожный институт, на базе которого организуется соответствующая комиссия.

Согласно одному из авторитетных учебников по теме, нормативно общий трек подготовки экспертов-криминалистов представлен на Рисунке 2²¹.

Рис. 2. Подготовка судебных экспертов в Российской Федерации.

²⁰ ФГОС ВО – специалитет 40.05.03 Судебная экспертиза, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31.08.2020 г. № 1136 – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1950412> (дата обращения 24.06.2024).

²¹ Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. – М. : Норма : ИНФРА. – 2017. – С. 76.

Мы в действительности наблюдаем разнообразные траектории экспертов. Из наших информантов только двое заканчивали факультет экспертов-криминалистов, при этом оба рассказали, что поступили туда случайно, из-за наличия свободных мест. Это один из способов входа в профессию – принятие решения работать в правоохранительных органах, поступление в специализированный ведомственный вуз с выбором специализации в начале обучения или позже, при трудоустройстве:

Некогда я хотел стать юристом. Просто получить юридическое образование, стать юристом. Поступал в [университет] на юрфак дважды. Неудачно. Потом так: а ты поступай в вуз МВД – станешь юристом. Ты, мол, в вооруженных силах отслужил, так иди в милицию, приходи к нам. Я пришел. Меня пригласили в органы внутренних дел. И я хотел как раз-таки, поработав в милиции, уже поступать в тогда еще Юридический институт МВД в [городе N]. Но получилось немножко по-другому. То есть я пришел не в патрульно-постовую службу, а в экспертно-криминалистическую. Меня спросили: «А хочешь быть техником-криминалистом?» Я сказал: «Хочу». Меня привели к руководителю экспертной группы. Он задал мне несколько вопросов и сказал: беру. (Эксперт-криминалист, начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Остальные информанты являются выпускниками разных факультетов не ведомственных университетов и освоили профессию криминалиста позже, после выпуска из классических университетов или любых других вузов, не связанных с правоохранительной деятельностью. Это возможно, поскольку большую часть необходимых для практической работы навыков прибывший сотрудник-криминалист получает «на месте». Сильная сторона таких сотрудников – в хорошей подготовке по специальности, которая потом легко конвертируется в экспертный статус. Так, один из информантов приводил в пример своего знакомого, учителя географии по базовому образованию, который сделал карьеру и в настоящее время работает заведующим бюро. Но никто из информантов с таким карьерным треком изначально не рассматривал для себя карьеру эксперта – все говорили о том, что их пригласили руководители экспертного учреждения. В дальнейшем уже сами став руководителями, они также продолжают поиск кандидатов в новые сотрудники среди перспективных студентов со специализированными знаниями или из ведомственных вузов.

Таким образом, если будущие судебно-медицинские эксперты обязаны получить полноценное медицинское образование, во время которого происходит специализация, рекрутинг в эксперты-криминалисты значительно более вариативен. Вход в профессию эксперта-криминалиста может происходить через: а) окончание экспертно-криминалистического факультета (который на момент окончания университета нашими информантами – начало 2000-х гг. – давал диплом о юридическом образовании и возможность строить карьеру в других областях правоохранительной системы), б) получение высшего образования в ведомственных вузах по любой специальности с последующим получением допусков для работы экспертом-криминалистом в) или случайный приход в правоохранительные органы с иными целями и относительно случайный выбор экспертной специализации с учетом имеющегося образования.

Первые шаги в профессии и освоение новых экспертных специальностей

Всего обучение в медицинском высшем учебном учреждении длится 6 лет, но диплом о высшем образовании на момент окончания вуза нашими информантами не давал права заниматься врачебной практикой. Для этого необходимо было завершить еще один образовательный этап – интернатуру²². Он проходил в конкретном медицинском учреждении, где интерны имели возможность получить практические навыки в освоении профессии и ставку в принимающем учреждении (в нашем случае – судебно-медицинском бюро) после успешного завершения. Всего интернатура длилась 1 год и формально без этого этапа было невозможно попасть в профессию. Наши информанты сделали выбор в пользу кафедры судебно-медицинской экспертизы в процессе обучения в университете, а с узкой специализацией внутри этого направления определялись уже в интернатуре.

²² Интернатура была упразднена с 1 сентября 2016 года (в соответствии с N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), однако на момент окончания вузов нашими информантами она продолжала существовать. Сейчас ее альтернативой является ординатура или профессиональная переподготовка.

В свою очередь, эксперты-криминалисты начинают свою карьеру с должности стажера²³ (за исключением тех немногих, кто уже имел профильное образование) до получения первого допуска. Специализированное же образование для эксперта-криминалиста позволяет «пропустить» этап работы стажёром, так как учащиеся получают соответствующие допуски на кафедрах по итогам обучения и сдачи экзаменов.

Должность стажёра-криминалиста схожа с должностью интерна или ординатора отсутствием права самостоятельного проведения экспертиз. Как стажер, так и интерн выполняют функцию ассистента, рядом с которым всегда находится аттестованный эксперт. В задачи начинающего эксперта входит участие в осмотре трупа или места происшествия, наблюдение за работой более опытного коллеги. Судебно-медицинские эксперты описывали собственную интернатуру как период наставничества, в некоторой степени зависящий от личного расположения руководителя практики к интерну. Опытные судмедэксперты, работавшие на кафедрах в медицинских вузах, подмечали заинтересованных студентов и, если последние демонстрировали желание и готовность погрузиться в профессию, им предоставляли большее количество возможностей для практики или приглашали в более труднодоступные для начинающих сотрудников места в рамках интернатуры.

В принципе мне и медико-криминалистика особенно не светила, потому что в медико-криминалистику по умолчанию приходили люди после танатологического опыта определенного. То есть отвыскаивай там лет пять, потом уже иди. Но я попала под крыло [своей руководительницы – прим. авторов] в интернатуре, которая <...> разглядела во мне что-то, кроме шубы, и она меня начала в интернатуре еще натаскивать на медико-криминалистику. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

В случае экспертов-криминалистов по распределению экспертно-криминалистического центра (далее – ЭКЦ МВД) стажер без профильного образования получает возможность пройти обучение как эксперт уже на рабочем месте для сертификации и получения допуска к определенным видам экспертиз. С получением первого допуска стажер переходит на должность эксперта. Однако специфика внутренней организации учреждения и его финансирования такова, что держать человека с одним допуском невыгодно: количество кадров в каждом отделе ограничено, при этом в нём должны выполняться все стандартные и часть специфических (актуальных для этого района) экспертиз. Это приводит к тому, что де-факто минимальное количество допусков для работы в судебно-экспертном учреждении – три, стандартное – семь.

Новые допуски в свою очередь требуют временных и финансовых затрат со стороны учреждения: обучение необходимо оплатить, и пока сотрудник осваивает новую экспертную специальность, он не может полноценно заниматься своей основной работой. Это ставит руководство перед выбором: отказаться от определенного рода экспертиз или временно лишиться рабочей единицы:

Либо сотрудник сам проявляет инициативу, либо руководству необходимы специалисты нужных специальностей. Может быть, я человека обяжал, да он и согласен был сам, но, тем не менее, у меня тоже мотивация была, потому что мне нужен человек с такой-то специальностью, а я со стороны взять этого человека не могу, потому что у меня ограниченная штатная численность экспертная... У меня было в отделе, допустим, пять человек – штатная численность, которая не менялась, она и сейчас такая. Она не меняется с шестидесяти годов. И тем не менее в пределах пяти человек я должен проводить экспертизы разных экспертных специальностей. У нас все эксперты обладают смежными специальностями в пределах отдела и тех специальностей, которые в отделе практикуются. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Для самих экспертов-криминалистов получение новых допусков означает увеличение объема работы в будущем, при этом не в каждом учреждении это приводит к увеличению заработной платы.

²³ Во многих регионах России центры судебной экспертизы до 1990–2000-х гг. функционировали как научно-исследовательские лаборатории судебной экспертизы. Тогда стартовой должностью для начинающего эксперта была позиция младшего научного сотрудника. После переименования учреждения в Центр судебной экспертизы начинающих свой профессиональный путь сотрудников назначают на должность стажера-исследователя.

Несмотря на то, что в региональном бюро судебно-медицинской экспертизы действуют большое количество внутренних отделов и работают эксперты соответствующих им специальностей (танатология, экспертиза потерпевших, медико-криминалистика, сложные комиссионные экспертизы и др.), для судмедэкспертов не существует системы обязательных допусков и регулярной сертификации для продолжения практики, привычной для криминалистов. Поскольку сотрудники БСМЭ в основной массе являются врачами, они автоматически могут осуществлять все виды работ, реализуемых в бюро: обучение им начинается еще в интернатуре или ординатуре. Однако на них как на медиков распространяются требования системы непрерывного медицинского образования, или НМО, согласно которым медработники должны подтвердить свою квалификацию в начале медицинской практики (первичная аккредитация) и повышать ее каждые 5 лет на протяжении всей своей карьеры (периодическая аккредитация). Для прохождения последней им необходимо набирать определенное количество часов-баллов на программах повышения квалификации или с помощью подтвержденного участия в образовательных мероприятиях (курсы, конференции и т.д.). Необходимые формы отчетности и форматы НМО достаточно часто меняются, и этому вопросу даже уделяется внимание на крупных профессиональных конференциях судмедэкспертов. Более того, с 2023 года и судебным медикам с «немедицинским» образованием (например, экспертам-биохимикам, -генетикам и -химикам) необходимо проходить соответствующие аккредитации²⁴. Вместе с тем следует отметить, что теоретическую и практическую подготовку – на всех этапах послевузовского образования – специалисты БСМЭ получают преимущественно по тому направлению деятельности, которым занимаются (танатология, гистология, криминалистика и т.д.).

Профессиональная идентичность

В данном отчете специалисты в области судебной медицины и криминалистики объединяются в единую профессиональную группу «экспертов». И те, и другие обладают схожими целями и обязанностями: помощь правоохранительным органам в раскрытии преступления, выезд на место происшествия, взаимодействие со следователями и судами в расследовании дела. Как судебные медики, так и эксперты-криминалисты в качестве мотивации для выбора своего карьерного трека озвучивают желание вынести окончательное и справедливое суждение, «докопаться до истины», помочь корректно раскрыть дело, что роднит их с юристами. Эксперты, в особенности судебные медики (в первую очередь в силу того, что по статусу и должности не являются государственными служащими, позиционируя себя как «обыкновенные люди», «работники»), ценят свою независимость, сравнивая себя с другими специальностями в референтном профессиональном поле и признавая, что в своей сфере деятельности они обладают большей свободой и автономностью:

Мне нравилась в судебной медицине окончательность и независимость. В принципе я не ошиблась. Судебно-медицинский эксперт – один из самых независимых врачей, если быть грамотным специалистом и не давать слабину. Определенные амбиции выиграла ключевую роль, и я поняла, что хирург – это очень зависимая профессия, очень зависимая. И станешь специалистом ты самостоятельным очень нескоро, особенно в той хирургии, в которую я собиралась. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Т.е. получается, что мы работаем в министерстве справедливости. И эксперт, как представитель этого министерства, грубо говоря, устанавливает справедливость. Т.е. он стоит над сторонами, и он устанавливает справедливость. Да – да. Нет – нет. Черное – черное. Белое – белое. Все. Тут никаких нюансов быть не может. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Впоследствии значимым поводом оставаться в профессии как для судебных медиков, так и для криминалистов становятся собственный авторитет и репутация. Эксперты гордятся, когда обо-

²⁴ Приказ Минздрава России от 28.10.2022 N 709н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2022 N 71224) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432926/ (дата обращения 24.06.2024)

снованность их экспертизы в отношении сложных дел признается судом и когда коллеги обращаются к ним за советом. Собственная профессия в принципе рассматривается ими как социально значимая, уважаемая и интеллектуальная.

Однако с точки зрения становления и развития профессиональной идентичности в обеих группах экспертов обнаруживается намного больше различий, чем сходств. Судебно-медицинские эксперты мыслят свою работу как медицинскую деятельность. Этому способствует полученное ими высшее медицинское образование и непосредственное содержание работы, для которой им необходимы знания физиологии, анатомии, гистологии и других медицинских дисциплин. Несмотря на то, что деятельность судмедэкспертов больше похожа на медицинско-исследовательскую, нежели врачебную, а ежедневное взаимодействие происходит главным образом с правоохранителями, нежели с клиницистами («гражданскими» врачами, которые лечат пациентов в соответствии с имеющейся у них специализацией), мнение последних для них значимо. Именно медицинское сообщество – ключевая референтная группа для судебно-медицинских экспертов: они считают, что содержательно оценить результаты их работы могут в первую очередь коллеги по цеху (включая не только экспертов, но и врачей других медицинских специальностей), а не юристы. В некоторых отделениях бюро судебно-медицинской экспертизы во время проведенных нами наблюдений работающих там экспертов нам представляли как «молодых докторов». С теми же клиницистами многие судебные медики взаимодействуют при производстве сложных комиссионных экспертиз (см. подробнее ниже). Для реализации такой экспертизы требуется привлечение нескольких экспертов и специалистов, которых нет в штате бюро. Поэтому у судмедэкспертов из отделов сложных или комиссионных экспертиз имеется развитая сеть знакомств с различными медицинскими профессионалами. Наконец, сами судмедэксперты любят разбираться с медицинскими вопросами и проявляют активный интерес к открытиям и инновациям в медицине.

Сложная экспертиза. Вот эта одна из моих любимых видов экспертиз: с погружением в клиническую специальность, потому что я все-таки в душе остаюсь врачом и стараюсь это привнести в свою профессию. Я люблю разбираться в клинических нюансах. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

В свою очередь, эксперты-криминалисты идентифицируют себя в большей мере как представителей юридической профессии, даже если они получали другое высшее образование. Во-первых, большинство таких экспертов работают в правоохранительных органах или в бюро подведомственных Минюсту. И хотя не все эксперты-криминалисты имеют специализированное образование, они с большей вероятностью закончили юридические вузы, подведомственные МВД и другим правоохранительным органам, Минюсту. Во-вторых, между экспертно-криминалистическими учреждениями МВД и другими частями правоохранительной системы России существует большая горизонтальная мобильность. Нередко эксперты имеют и другой опыт работы в правоохранительных органах: например, начинают с низовых подразделений в МВД и в процессе развития карьеры внутри ведомства и обучения в специализированном вузе реализовываются в экспертной деятельности. Оперативникам или другим сотрудникам МВД также намного легче стать экспертами-криминалистами, поскольку они уже знакомы с процедурой осмотра на месте происшествия, работой следствия и другими составляющими рутины экспертов-криминалистов.

О: Да, а почему есть эксперты... с уголовного розыска. Например, опером проработал два года... много ж таких людей – не все же заканчивали академии... Просто, например, проработал опером, потом говорит: «Я буду экспертом работать». У него база-то есть уже. Он сначала едет в ЭКЦ <...> – там определённая тоже комиссия, тоже определённое количество вопросов. Первый допуск он нигде так не пишется, ну, негласно зачёт ставят – осмотр места происшествия. <...> Он отвечает на эти вопросы, допустим, всё, зачёт. Всё, негласно это считается, что подтвердил допуск, что он может выезжать на осмотр места происшествия.

В: Экспертизу он пока делать не может?

О: а экспертизу он не может делать, да, потому что у него ни одного допуска нет... Вот я и говорю, с самого начала, например, с нуля человек пришёл... Там, с ППСа, например, есть же люди, которые приходят в экспертную службу, с других [мест], со следователей тоже придёт, например: ну, вот, захотел он экспертом стать. (Старший эксперт отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Если эксперт получил высшее юридическое образование, то он также может пойти работать оперативником или следователем. По словам наших информантов, в какой-то момент этой возможностью стали пользоваться настолько часто, что некоторые специализированные вузы перестали оформлять выпускающимся документ о высшем юридическом образовании, с которым можно перейти на следственную работу. Внутри правоохранительных органов оперативные подразделения и следственные отделы неформально считаются более значимыми и весомыми для карьерного продвижения, и наличие высшего юридического образования давало возможность выпускнику избежать найма в менее престижные криминалистические подразделения.

О: Мы же все из [название вуза], вот, им высшее юридическое образование уже не давали. Они получили среднее юридическое, но, по-моему, еще факультативный допуск к взрывотехнической экспертизе <... ...>

В: а чего вдруг? Чтобы эксперты потом не бежали?

О: Да-да-да. Юридическое образование высшее, потому что много экспертов уходило в следствие и в розыск сразу. Не актуально было как-то вот, не престижно. Нам нравилось, но в то-то и дело, что экспертов экспертами работает одна треть. Все остальные ушли либо в другие смежные ведомства, либо работают в следствии, в розыске и даже участковыми. (Эксперт-криминалист, начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Таким образом, если мотивация при выборе профессии у рассматриваемых двух групп экспертов схожая (установить факты, помочь расследованию дела, «докопаться до истины», а для экспертов-медиков – в том числе и независимость), то профессиональная идентичность различается. Судебно-медицинские эксперты мыслят себя как представителей медицины. Этому способствуют как их общий с другими врачами образовательный трек (обязательное медицинское образование), так и включенность в учреждения здравоохранения (см. ниже). Референтная группа для них – это их коллеги из БСМЭ или медики-клиницисты, которые включаются в совместную работу над сложной комиссионной экспертизой. Эксперты-криминалисты редко имеют обязательное профильное образование. Эта группа более инклюзивна к бывшим работникам других подразделений правоохранительных органов или даже к внешним людям. Профессиональная идентичность складывается на месте, в ходе работы в конкретном правоохранительном ведомстве, включая центр судебной экспертизы Минюста, и поэтому ближе к юридической профессии.

Карьерные траектории

*Судебные медики: один регион – одно бюро;
районный vs региональный офис, специализация как маркер иерархии*

Итак, первым шагом в карьере будущего судебно-медицинского эксперта является этап интернатуры (ординатуры/профессиональной переподготовки), хотя некоторые выбирают начинать работать еще на этапе студенчества, например, в качестве лаборантов или санитаров. После этого будущие судебные медики часто выбирают остаться на том же месте, уже в рамках знакомого коллектива. Это видится логичным и в свете описанного ниже штучного подбора кадров, когда вакансии в экспертные учреждения выкладываются редко, а сотрудники надолго остаются работать в одной организации.

В этом разделе мы описываем усредненную карьерную траекторию эксперта в региональном судебно-медицинском бюро. Это самый распространенный вид государственного экспертного судебно-медицинского учреждения. О том, кому еще могут подчиняться БСМЭ, будет написано в третьей главе. В выбранном нами случае карьера судебного медика реализуется в единственном для региона учреждении. Даже если в регионе есть представительства других ведомственных БСМЭ, не практикуется переход, например, из гражданской системы в военную или какую-либо еще. В типовом случае смена бюро означает переезд и смену места жительства на другой регион. При этом, поскольку судебно-медицинских экспертов в стране, по их собственным оценкам, порядка полутора тысяч человек, все оказываются знакомы друг с другом через вторые руки.

Переезд с целью карьеры сопровождается наведением справок среди коллег – как эксперта об учреждении, так и руководства БСМЭ о кандидате.

В рамках регионального БСМЭ карьера судмедэксперта начинается с районного, межрайонного или городского отделения бюро. Районные и городские судебно-медицинские отделения (РСМО и ГСМО соответственно) – самые низовые подразделения бюро, осуществляющие прием живых лиц, вскрытие трупов и выезд на место происшествия на территории конкретного района. На такие отделения ложится большая часть танатологической «работы у стола», то есть вскрытий, хотя в случае РСМО в них же обычно заявлена самая маленькая штатная численность и имеются проблемы с поиском новых кадров. Причинами последнего могут быть отсутствие квалифицированных сотрудников в удаленных от крупных городов районах, плохая материальная оснащенность, низкие зарплаты или большая нагрузка. Как ставка, так и количество штатных единиц (а следовательно, и доля работы, приходящаяся на одного эксперта) обычно рассчитываются по усредненной структуре смертности населения на основании показателей предыдущего года. Такая система не учитывает нестабильности нагрузки²⁵ и иногда дает сбой в определенных районах, где, например, имеется большое количество приезжих рабочих или высокий уровень преступности. В рамках районного отделения эксперт может карьерно вырасти только до должности заведующего отделением. В таком случае на него ляжет ответственность за оформление документации и решение бюрократических и административных вопросов. Однако и в статусе заведующего эксперт продолжает, хоть и в меньшем объеме, заниматься обычной для эксперта деятельностью: принимать живых лиц, проводить вскрытия, выезжать на осмотры.

Дальнейшим шагом в карьере судебного медика может быть переход в головное представительство бюро, обыкновенно располагающееся в региональном центре, в котором обычно есть несколько специализированных отделов: например, медико-криминалистический или отдел сложных (комиссионных и комплексных) экспертиз²⁶. Работа в этих отделах в принципе отличается большей размеренностью, поскольку к экспертам поступает более стабильный объем нагрузки, а также отсутствует необходимость выезда на места происшествий. Работа в отделе сложных экспертиз, в частности, предполагает более разнообразные и сложные задачи, которые представляют больший интерес и для самих экспертов.

Наконец, верхней ступенью в карьерной лестнице судмедэкспертов может стать статус заведующего отделом в головном представительстве бюро или же статус заместителя начальника или даже начальника всего субъектового бюро. Для судебно-медицинских экспертов также существует ряд возможностей для дополнительного заработка, к которым они прибегают на разных этапах своей карьеры. Эти возможности реализуются через дополнительные ставки, которые занимает эксперт в других подразделениях бюро. Однако сейчас во многих случаях работа по совместительству в двух отделах одного бюро становится невыгодной, поскольку идет в показатель интенсивности труда, который гарантирует достаточно маленькую надбавку к заработной плате. Но все же самым распространенным совместительством является работа на какую-то часть ставки в дежурной службе бюро, предполагающая экстренные выезды на места происшествия в нерабочее время и в выходные дни. Такое совмещение оплачивается отдельно, и уровень его оплаты различается в зависимости от региона. Также эксперты могут подменять своих коллег из других отделений на вскрытиях, когда те уехали в отпуск или вышли на больничный. В отделениях, которые испытывают кадровые сложности, могут существовать договоренности с другими экспертами о том, что те будут приезжать и помогать при внезапном увеличении нагрузки. Более

²⁵ Хотя в среднем количество умерших (за месяц, квартал или год) в районе может быть относительно стабильным, это не гарантирует настолько же стабильный объем работы или график: в случае происшествий с большим количеством жертв может понадобиться провести множество срочных вскрытий, срочно выехать на место происшествия (иногда не одно за день) и т.д.

²⁶ Далее в тексте районные и городские судебно-медицинские отделения мы будем коротко называть «отделениями», а организационные единицы, где эксперты занимаются медико-криминалистикой и сложными экспертизами, – «отделами», хотя последние далеко не всегда являются таковыми и часто обозначаются как отделения в структуре бюро. Так, например, медико-криминалистическое отделение может входить в состав отдела экспертизы вещественных доказательств.

энергозатратным и, как правило, невысокооплачиваемым является вариант совместительства в других организациях: например, дополнительное преподавание или работа медиком по другой специальности (крайне редко).

Платные медицинские экспертизы, проводимые по желанию частного заказчика (не суда или следствия), разрешены во многих учреждениях. В бюджетных организациях это позволяет экспертам получать дополнительную оплату труда. Однако они не составляют основного потока, поскольку частные лица обращаются в бюро достаточно редко, и не приносят большого заработка конкретному эксперту. Расценки на такие экспертизы утверждаются руководством бюро, при этом учреждение забирает себе основную часть денег в качестве компенсации расходов. В казенных же учреждениях не предполагаются дополнительные выплаты за оказание платных услуг. Все полученные за их счет средства идут в бюджет Российской Федерации, что лишает экспертов какой-либо мотивации проводить платные экспертизы.

Вопрос дополнительного заработка для судебно-медицинского эксперта становится актуальным из-за ограниченной зарплатной вилки в собственном учреждении (см. ниже). Однако подработки все же занимают время эксперта и могут мешать ему выполнять свою непосредственную работу, поэтому многие информанты с сожалением говорят о необходимости подрабатывать и сомневаются, что это можно удачно совместить со сложной аналитической работой, какой, например, занимаются в отделе сложных экспертиз.

Эксперты-криминалисты: горизонтальное и вертикальное карьерное продвижение

Для экспертов-криминалистов характерна иная карьерная траектория. После окончания стажировки и выхода на полноценную ставку у эксперта есть два направления для своего профессионального развития:

- а) горизонтальный рост по специализации, когда эксперт расширяет пул проводимых им экспертиз, получая новые экспертные допуски;
- б) вертикальный рост по иерархии, который означает продвижение вверх по карьерной лестнице, сменяя руководящие позиции в ведомстве.

Последнее зависит от экспертного учреждения, в котором работает эксперт, поскольку экспертные организации существуют при МВД, Министерстве юстиции и других федеральных службах (например, таможенной и др.). Описывая же различия между Министерством юстиции и МВД, можно сказать, что система карьерного продвижения первого похожа на вертикаль власти в БСМЭ: можно получить повышение до ведущего эксперта, старшего эксперта, заведующего отделом или заместителя всего центра экспертизы. Однако в системе экспертных учреждений при МВД действует система чинов, то есть специальных званий, которые можно получить на той или иной должности (так называемые «потолки») и которые потом могут сильно влиять на размер пенсии и социальных льгот. Например, по словам одного из информантов, для эксперта районного ОВД потолок – это капитан полиции, для старшего эксперта – майор полиции, заместителя начальника отдела – подполковник, а начальника – полковник. При этом обычно звания связаны в первую очередь с количеством лет, которые сотрудник проработал в системе МВД, а не его непосредственным опытом. Соответственно, имея цель получить определенные социальные гарантии, связанные со званием, эксперт будет заинтересован в как можно более длительной службе в правоохранительных органах.

В случае желанья развиваться по различным экспертным специальностям эксперты-криминалисты ограничены материальным оснащением собственного учреждения, поскольку для многих видов работ (например, проведения взрывотехнической экспертизы) необходимо определенное оборудование. Также многие совершенно новые специальности требуют более фундаментального образования, например, связанного с биологией или химией, поэтому для овладения ими эксперту нужно достаточно большое количество времени и личной мотивации.

Эксперты-криминалисты в большей степени ограничены и в своих возможностях для дополнительного заработка. Официально для государственных экспертов разрешено совместитель-

ство только с преподавательской деятельностью, хотя экспертные учреждения Минюста могут официально брать заказы от частных лиц по установленной тарифной сетке. В таком случае их заключение процессуально будет иметь статус аналогичный заключению специалиста (см. следующую главу). Однако подобных заказов поступает совсем немного. Наши информанты связывают это с тем, что в криминалистической экспертизе есть более и менее «денежные» направления, то есть специализации, которые будут более актуальны для гражданских дел, касающихся денежных выплат: автотехническая экспертиза, почерковедческая. В таком случае частные лица с большей вероятностью готовы оплатить экспертизу самостоятельно, в отличие от уголовных дел, которые расследуют представители государства и которые часто касаются малообеспеченных слоев населения:

Сегодня – густо, а завтра – пусто. Но у нас, в нашей системе практически все время пусто. Хорошо у строителей, опять же, у автотовароведов хорошо. У них в основном идут все судебные дела, они все платные гражданские. А у нас тут уголовщина сплошная, смертоубийство. Кто к нам придет? (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Хотя у экспертов ЭКЦ МВД нет официальных возможностей брать платные заказы, многие из них согласны с описанной выше точкой зрения и утверждают, что в частных организациях прибыльными были бы далеко не все виды криминалистической экспертизы:

О: Традиционные криминалисты, может быть, на дактилоскопии, трасологии – это может быть ничего, на почерке можно заработать, может быть.

В: а почему такое различие: почему на почерке можно, а на традиционных нет?

О: Потому что почерк – это экономические преступления в основном. Это такие – часто спорные вопросы, связанные в том числе и с наследством, и т.д. За почерк платят больше, как за таковой. Дактилоскопия с трасологией никому не нужны. Транспортная трасология – да, может быть. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Наконец, как к судмедэкспертам, так и криминалистам могут обращаться адвокаты, желающие выстроить наилучшую линию защиты в суде. Это не обязательно подразумевает привлечение эксперта в качестве специалиста, зачастую адвокатам интересно лишь неформальное мнение эксперта по имеющемуся в деле заключению. Подобная помощь в госучреждениях даже может быть официально оформлена и оплачена как консультация. Также как для судебных медиков, так и для криминалистов свойственна ситуация, когда в качестве государственных и негосударственных экспертов выступают одни и те же люди, поскольку некоторые государственные эксперты все же подрабатывают в частных компаниях или пишут за них заключения, не подписывая его своим именем. Эти практики настолько широко известны в сообществе, что даже при приеме новых кадров на работу некоторые руководители (в нашем случае из числа судмедэкспертов) открыто говорят кандидатам о возможности подработать «экспертным рабом».

Рекрутинг в экспертные учреждения

В завершении раздела можно указать на беспокойство ряда информантов о том, что из-за низкого финансирования, многочисленных реформ и переформирований российских силовых органов, министерств и региональных БСМЭ постепенно образуется разрыв поколений и потеря преемственности. Старшее, советское поколение с этосом эксперта, унаследованным с советских времен, просто не может найти преемников и тех, кому они могли бы передать свои знания, поскольку в 2000-е гг. в экспертную сферу перестали идти молодые перспективные кадры:

«Мы все, почти все пенсионного и предпенсионного возраста <...>. Люди приходят, которые хотят работать экспертами, которые интересуются. Вот тот же [имя 1], они же все, вот с [имя 2], они пришли с того же института тогда. И они у меня проработали десять лет. Но когда пришло время им жениться и заводить семьи, они сразу сказали, извини, но мне денег уже не стало хватать, я вынужден уволиться. И перевелись один туда, другой сюда. <...> а сейчас люди приходят и, опять же, говорят: мы хотим работать экспертами. Я говорю: ребята, я

вам могу дать четырнадцать с половиной тысяч – базовая ставка. Всё. На меня смотрят вот такими глазами, говорят: а как же жить? Я говорю: а вот так. И уходят. А мне сейчас кого-то учить, а учить мне некого. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Рекрутинг в экспертные учреждения – это редко открытый и публичный набор сотрудников. Чаще – штучный подбор кадров. В первую очередь, это обусловлено редким выбором экспертной специальности выпускниками вузов, низкими зарплатами в некоторых организациях (РЦСЭ Минюста) и необходимостью того, чтобы у потенциального сотрудника была сильная личная заинтересованность в будущей деятельности. Учитывая желание иметь стабильное и сработанное ядро коллектива, при найме сотрудников руководители смотрят и на то, насколько новый человек волеется в коллектив. Во многих экспертных учреждениях сотрудников «выращивают» внутри. В случае судмедэкспертов это применимо к районным отделениям, поскольку именно туда приходит большинство начинающих экспертов.

Ну, вот сейчас [имя начинающей сотрудницы – прим. авторов], она что: мы ее взяли – сырой студенческий материал. <...> Сейчас она проводила экспертизу эту. Отправляет согласовать, как там что. Т.е. контролируем эти [моменты], потому что, когда пойдет уже в суд, тогда уже поздно будет. Идет типа наставничества, как раньше было. (Судмедэксперт, заведующий танатологическим отделом)

Таким образом, руководители экспертных учреждений находятся в трудном положении, когда им необходимо искать новых сотрудников, готовых выполнять достаточно сложную работу с небольшими окладами на начальном этапе. Это приводит к недоукомплектованности штата и переработкам со стороны действующих экспертов.

ЭКСПЕРТИЗЫ

В этом разделе мы опишем процесс проведения судебной экспертизы и ее главный результат – заключение эксперта – не только с нормативной, но и с фактической точки зрения. Объектом экспертизы могут выступать разные вещи: эксперты работают с живыми лицами, трупами (танатология), вещественными доказательствами и объектами, имеющими биологическую (медико-криминалистика, судебно-гистологические, биологические, химические и молекулярно-генетические исследования) или небиологическую природу (обычная криминалистика). Однако вне зависимости от объекта анализа производство экспертиз включает в себя схожие элементы.

Экспертиза как документ

Главным образом производство экспертиз регулируется процессуальными кодексами Российской Федерации (уголовным, гражданским и арбитражным), Кодексом административного судопроизводства, Кодексом об административных правонарушениях, федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности»²⁷, а также различными ведомственными приказами: например, приказом Министерства здравоохранения и социального развития № 346н (для судмедэкспертов различных учреждений)²⁸, приказами Минюста России № 72, № 346, № 404

²⁷ Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности» – URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения 24.06.2024)

²⁸ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 N 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103821/ (дата обращения 24.06.2024)

(для экспертов Минюста)²⁹ и приказом МВД России № 511 (для экспертов ЭКЦ МВД)³⁰. Формально экспертиза представляет собой документ с определенной, стандартизированной структурой. В нем должны быть отражены вся полученная экспертом от заказчика информация и материалы, поставленные перед экспертом вопросы, проведенные им или другими экспертами по его направлению исследования, их результаты и общее заключение. Исследовательская часть каждой конкретной экспертизы отличается. Так, при экспертизе трупа судмедэксперт проводит наружное исследование и описывает состояние внутренних органов, различные патологические изменения, а при экспертизе холодного и метательного оружия эксперт-криминалист указывает, из чего сделан предмет, и сравнивает его с образцами-аналогами. Структура экспертизы также зависит от учреждения, в рамках которого она проводится, поскольку разные организации опираются на разные нормативные ведомственные документы. Мы описали лишь те минимальные составляющие, которые присутствуют в любой экспертизе.

Самой главной частью всей экспертизы является ее заключение или выводы эксперта. Именно оно в дальнейшем перейдет в обвинительное заключение (акт) и/или решение суда. Более того, из заключения эксперта следует нередко и юридическая квалификация преступления. Например, для судебно-медицинских экспертиз в нем определяется наличие или отсутствие вреда, причиненного здоровью человека, его степень тяжести, давность и механизм нанесения повреждений, а в случае экспертизы трупа – причинно-следственная связь между повреждениями и смертью. Это непосредственным образом определяет дальнейшие юридические решения правоохранителей и судей по квалификации деяния и прочее. Финальная «задача» заключения эксперта – выступить в качестве источника надежного доказательства при вынесении решения по делу. Поэтому эксперты всегда уделяют большое внимание тому, чтобы составить заключение должным для суда образом: грамотно и корректно оформить всю документацию, не допустить каких-либо фактологических неточностей.

Важно понимать, что экспертизы бывают разными не только с точки зрения объекта анализа. В нормативно-правовых документах выделяются дополнительные, повторные, комиссионные и комплексные экспертизы.

- *Дополнительная экспертиза* назначается, если предыдущее заключение эксперта покажется заказчику неполным или недостаточно ясным. Ее можно рассматривать как официальное подробное уточнение ранее полученных выводов. Например, следователи часто используют дополнительные экспертизы после первичных танатологических (составляемых исключительно по исследованию трупа), направляя новые вопросы экспертам по обстоятельствам, ставшим известными в рамках расследования дела из показаний свидетелей и обвиняемых. Дополнительную экспертизу может проводить тот же эксперт или учреждение.
- *Повторная экспертиза* проводится тогда, когда у заказчика возникли сомнения в корректности или ясности ранее полученного заключения. Например, при наличии в нем ошибок или в ситуации, когда заключения нескольких экспертов противоречат друг другу.

²⁹ Приказ Минюста России от 20.04.2023 N 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445502/ (дата обращения 24.06.2024)

³⁰ Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127383/ (дата обращения 24.06.2024) Приказ Минюста России от 28.12.2023 N 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466457/ (дата обращения 24.06.2024) Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.09.2023) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 24.06.2024)

Она обязательно поручается другому эксперту или экспертному учреждению. Никто из экспертов не хочет столкнуться с назначением повторной экспертизы после его работы, так как это формально свидетельствует о ненадлежащем качестве первичной экспертизы. Среди экспертов и экспертных учреждений распространена установка не проводить экспертизы «против своих», то есть не брать повторные экспертизы после работы коллег из их учреждения.

- *Комплексная экспертиза* проводится несколькими экспертами разных специальностей и чаще всего разных ведомств (например, для анализа суицида с падением привлекаются судмедэксперт и трасолог). Каждый из них проводит исследования в рамках своих компетенций и знаний и подписывает, то есть берет ответственность, только за ту часть заключения, которая относится к его непосредственной работе.
- *Комиссионная экспертиза* проводится двумя и более экспертами одной специальности. Хотя процессуальные кодексы допускают возможность составления отдельных заключений при возникновении разногласий, обычно комиссия старается прийти к общему выводу и составить единое мнение. В процессуальных кодексах также указано, что комиссионный характер экспертизы определяет следователь или руководитель экспертного учреждения. Однако на рутинном уровне зачастую этот процесс назначения именно комиссионных экспертиз начинается на уровне районных отделений. Последние могут отказываться от экспертиз, ссылаясь на то, что их проведение «не представляется возможным» (НПВ) – устойчивое выражение среди экспертов, в данном случае предполагающее, что возможностей районного отделения недостаточно для реализации экспертизы. В действительности причиной отказа может быть недостаток рабочих рук или нежелание заниматься сложным вопросом, на который уйдет больше времени, чем обычно. В таком случае следователи перенаправляют экспертизы в отделы комиссионных экспертиз, даже если это экспертиза «не их уровня» (руководитель отдела сложных/комиссионных экспертиз). Границы между сложными, комиссионными и комплексными экспертизами размыты, часто в учреждениях ими занимается один отдел. Общепринятым является следующее разделение: для комиссионных экспертиз привлекаются внешние специалисты (чаще всего врачи), а для комплексных – эксперты из других ведомств. Однако иногда эти определения могут использоваться взаимозаменяемо, как синонимы.

Наряду с заключением и показаниями эксперта в качестве доказательства в суде могут выступать заключение и показания *специалиста*. Кратко разницу между ними можно описать следующим образом: заключение эксперта – выводы по результатам проведенных им исследований, заключение специалиста – его суждение без предшествующего исследования материалов. Эксперт и специалист обладают разными процессуальными статусами. Главное отличие между ними заключается в том, что эксперт дает следствию или суду показания по своей экспертизе и защищает ее, а специалист – относится к ней со стороны, может критиковать или подвергать сомнению. Из-за отсутствия необходимости проводить собственные исследования заключение специалиста рассматривается судом как менее надежное доказательство. Специалист не может опровергнуть экспертизу, для этого нужно заключение другого эксперта (повторная экспертиза). Задача специалиста – аргументированно представить альтернативную точку зрения, дать суду повод для сомнения, из-за чего в дальнейшем может быть назначена повторная экспертиза. Он также может участвовать в допросе эксперта (перекрестный допрос в суде), чтобы обсудить при участниках различия в полученных выводах.

Экспертиза как процесс

Методические особенности проведения экспертизы

Формально составление экспертизы начинается с определения суда или постановления о назначении экспертизы от дознавателя, следователя или судьи. Однако запрос на экспертное исследование может быть оформлен и как направление на исследование. Направление возникает в рамках процессуальной доследственной проверки, а постановление – как в рамках процессуальной проверки, так и после возбуждения уголовного дела.

На направление эксперт может ответить актом (более простым с точки зрения оформления и содержания документом), а на постановление – только полноценной экспертизой. С 2013 года направление постановлений о назначении экспертизы также стало возможно на стадии проверки, до возбуждения дела. Такие постановления могут выписать не только следователи и дознаватели, но даже участковые уполномоченные полиции (в юридическом статусе дознавателя). Это проще для правоохранительных органов, но существенно добавляет работы экспертам (особенно бумажной), так как требования к оформлению экспертизы выше, чем для исследовательских актов.

При этом, если экспертиза проводится по постановлению до возбуждения уголовного дела и в дальнейшем кто-либо из сторон заявит ходатайство о проведении повторной экспертизы уже на этапе расследования, суд будет обязан его удовлетворить. Таким образом, иногда направление на исследование используется для уменьшения формальных поводов для проведения повторных экспертиз в будущем. Повторная экспертиза нежелательна не только для эксперта, но и для следователя, так как затягивает сроки расследования уголовного дела.

При назначении экспертизы любому заказчику необходимо составить список вопросов, на которые должен ответить эксперт³¹. Список вопросов принципиально важен, так как от их формулировки зависит то, какую информацию предоставит эксперт и будет ли она полезна при разрешении дела. Хотя эксперт может включить в заключение ответы на вопросы, которые он сам посчитает необходимыми и важными для суда, и самим экспертам, и заказчикам удобнее, если изначальные вопросы сформулированы ёмко и содержательно. Иначе, поскольку эксперт обязан каким-либо образом ответить на все вопросы (либо дать содержательный ответ, либо указать на недостаточность данных или отсутствие у него необходимых для ответа компетенций), он потратит очень много времени на составление бесполезного заключения, а правоохранительные органы и суд получат увеличенные сроки для проведения экспертизы. Совсем неудачным исходом в данном случае является вопрос, ответ на который лежит вне компетенций эксперта, поскольку из него заказчик не получит никакой информации, только оформленное должным образом объяснение того, почему эксперт не может дать ответа. Для следователей и судей очень важен вопрос сроков, поскольку у них есть определенное количество дней на производство по делу: раскрытие преступления, досудебное и судебное следствие, удержание подозреваемого/обвиняемого под стражей и т.д. На соблюдении сроков завязано большинство показателей качества работы, возможность получения премий или риск взысканий.³² Соответственно, чем более оперативно следователи и судьи передают и запрашивают информацию у экспертов и чем больше они готовы к взаимодействию, тем быстрее эксперт мотивирован закончить свою работу.

Я сторонник того, что следствие должно со мной быть на плотном контакте. В каком плане? Не хотите проблем потом с экспертизой, ходатайстве и удовлетворении их, и, как следствие, удлинении сроков производства экспертиз – позвоните мне, проконсультируйтесь, как правильно ставить вопросы, какие объекты для ответов на эти вопросы нужно представить и какие разрешения сразу дать, чтобы мы вас не бомбили ходатайствами. Ну, это не так сложно, и те, кто работает давно, они в принципе так и делают. Более того, у нас даже практика: они мне просто проект постановления скидывают и смотрят, посмотрите, всё правильно, неправильно, там, формулировки вопросов, в вашей, не вашей компетенции. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

³¹ Назначать проведение экспертизы могут следствие, дознание или суд, однако сторона защиты может ходатайствовать о внесении дополнительных вопросов в постановление или обращаться к экспертам из других учреждений с собственными вопросами для привлечения их в качестве специалистов.

³² См. ряд работ: Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018; Волков В., Дмитриева А., Поздняков М. Титаев К. Российские судьи: социологическое исследование профессии. – М. : Норма. – 2015; Титаев К. Д., Шклярук М. С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность : монография – М. : Норма, 2016.

Многие следователи, особенно работающие недавно, при назначении экспертизы копируют вопросы из справочника следователя³³. Эксперты осуждают эту практику, поскольку, по их оценке, большинство таких вопросов оказываются бесполезными, нерелевантными или слишком абстрактными. Среди последних распространена установка о том, что хороший вопрос эксперту может задать только сам эксперт, поскольку это требует знакомства с содержательной стороной экспертной деятельности. Из-за кадровой текучки следователи могут не успевать основательно в нее погрузиться:

Раньше была очень хорошая следственная школа, вот в семи-, восьмидесятые годы, тогда еще следствие было, которое еще то – добрая старая гвардия. Вот там нам самим у них бы поучиться не грех было бы. А потом, я не знаю с чем это связано, но, во-первых, сейчас у следствия у нашего колоссальная текучка кадров. Они проработают год-два и убегают на совсем другие места работы: юрисконсультами, адвокатами, потому что колоссальная нагрузка среди следствия. У них, я так понимаю, не хватает, опять же, сотрудников своих – следственных, и поэтому нагрузка по делам, например, у них колоссальная. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Несмотря на то, что в интервью и полевых данных много свидетельств плотного и постоянного контакта следователей и экспертов, нередко возникает и конфликт юрисдикций. Следователи, особенно опытные и статусные, иногда критично оценивают ситуации, когда эксперты активно «вмешиваются» своим видением тех вопросов, которые должны быть поставлены перед ним следователем. Эта практика трактуется как вмешательство в юрисдикцию правоприменителя, а нередко и в целом в правовую оценку фактов:

Ведь, ну, следователю виднее, что нужно для дела, какое место экспертиза займёт в системе доказательств... следователю виднее. Он задаёт вопросы именно так, как ему хотелось бы видеть. И чаще всего, лично у меня довольно-таки часто это всё происходило, эксперты всё начинают поправлять: как-то вот здесь надо так изложить, тут надо эдак изложить, ещё как-то здесь, что-то там – ведущую роль пытаются ухватить на себя. Я считаю, что чаще всего это абсолютно необъективно и не имеет под собой какой-то здоровой земли... и есть обвиняемые, у которых изо дня в день новые версии защиты, и чем больше ты задашь вопросов, тем ты отобьёшь больше версий на будущее.... Давайте по-честному, это выливается в то, что они излагают своё заключение, им задают вопросы – они просто отвечают... Согласитесь, решающая роль здесь у следователя, ведь он знает, что потом будет: как, что, какое ходатайство, что заявят ещё. То есть они где-то слышать не хотят, всё-таки даже если они берут на экспертизу, приходится там что-то выслушивать – всё это зачем, почему, объяснять – ну, это не дело. То есть я считаю, что каждый должен делать своё дело. Ходатайствовать – там надо какие-то материалы – всегда несёшь, всё делаешь. И, ну, не должен следователь приходить – всё это выслушивать, это всё лишнее, вот мне кажется. (Следователь по особо важным делам, региональное УВД)

Для составления некоторых медицинских экспертиз могут понадобиться дополнительные исследования. Так, судмедэкспертам в районных отделениях при работе с трупами практически всегда необходимо отправлять материалы химикам, биологам или гистологам в медико-криминалистические лаборатории. Именно там другие эксперты проверяют содержание алкоголя или наркотических веществ в крови и моче, смотрят гистологию внутренних тканей и т.д. Это необходимо для подтверждения или опровержения предполагаемого диагноза. Чаще всего в отделениях нет собственных лабораторий, поэтому биологические материалы отправляются в головные учреждения с курьерами. Те же курьеры позже привозят результаты анализов, которые могут повлиять на итоговые выводы эксперта.

Таким образом, с нормативной точки зрения экспертиза представляется как линейный процесс, начинающийся с запроса заказчика (следователя, суда или частного лица), продолжающийся обменом ходатайствами между экспертным учреждением и заказчиком и заканчивающийся выво-

³³ Инструктирующие книжки, представляющие собой своеобразную шпаргалку для начинающего следователя. Например, Подопригора А. А., Игнашин В. И. Новый справочник следователя: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент. – Ростов-на-Дону : Феникс. – 2006.

дами эксперта. Однако в реальности она является продуктом коллективного труда, в ходе которого эксперты согласуют с заказчиками поставленные перед ними вопросы и сроки, а в процесс производства заключения привлекаются и другие эксперты.

Рутинная и творческая часть экспертиз

В составлении экспертиз есть рутинная составляющая: повторяющиеся из раза в раз задачи, которые можно хоть отчасти стандартизировать. В наших данных мало информации о рутинных практиках экспертов-криминалистов, поэтому данный раздел будет описывать деятельность судебных медиков. В их случае часть такой работы выполняют регистраторы или лаборанты – специальные сотрудники, которые помогают готовить исследовательскую часть экспертизы. Они могут готовить необходимые для исследовательской части документы: выделять из всего множества нужные исковые заявления, судебные определения и акты, на которые эксперту надо обратить внимание, а также составлять шаблоны для будущих экспертиз, выписывая необходимую информацию из медицинских документов. В районных отделениях регистраторы впечатывают надиктованные экспертом в ходе осмотра живого лица или трупа выводы в шаблон экспертизы. Таким образом, экономится время. Эксперты ценят регистраторов и лаборантов, которые быстро адаптируются к экспертной работе и могут проявлять некоторую самодостаточность, тем самым снимая часть нагрузки с эксперта. Это может проявляться в том, что регистраторы привыкают к профессиональному жаргону и часто использующимся аббревиатурам, способны самостоятельно напечатать часть экспертизы или акта и подобрать нужные документы для дальнейшего анализа без консультации с экспертом. Самым удобным вариантом является работа в паре, когда у эксперта есть собственный регистратор или лаборант, поскольку у каждого эксперта свой стиль работы. Однако в реальности в большинстве учреждений нет возможности содержать такое количество помогающего персонала. Ставка регистратора и лаборанта появляется только в местах с большой нагрузкой. Кроме них, в районных отделениях работают санитары, помогающие проводить непосредственное вскрытие: доставать органокомплекс для осмотра, трепанировать череп и т.д.

Внутри учреждений могут существовать и некоторые шаблоны для составления экспертиз. Учитывая, что в рамках своей деятельности эксперты работают с определенными объектами (например, медики-криминалисты – только с биологическими объектами), большинство составляемых ими экспертиз имеют схожую структуру. Однако шаблоны редко передаются между организациями, поскольку они являются продуктом локальных практик: того, как составляются заключения в конкретном месте, какие требования к экспертизе предъявляет конкретное руководство отдела и т.д. Более того, у каждого эксперта есть и свои индивидуальные наработки или инструкции для лаборантов и регистраторов.

Сами судебно-медицинские экспертизы также отличаются по тому, насколько в принципе возможна их стандартизация. Для себя эксперты делят экспертизы на быстрые и однотипные или сложные, требующие большой когнитивной работы и тщательного анализа. Можно сказать, что такое разделение отчасти совпадает с местом работы эксперта. Экспертов-танатологов «на земле» в районных отделениях (как и тех, кто проводит простые химические экспертизы, но в очень больших объемах) воспринимают как людей «у станка», последовательно выполняющих достаточно однотипные задачи, в отличие от «комиссионщиков», на рассмотрение к которым попадают самые разнообразные и сложные случаи. Особенность последних состоит в том, что они постоянно контактируют с врачами не из бюро, т.к. им необходимо заниматься организацией новой комиссии по каждой экспертизе, куда в качестве внештатных работников привлекают гражданских врачей-клиницистов в зависимости от обстоятельств дела и особенностей травматизации или состояния здоровья исследуемого лица. Поскольку за участие в комиссии такие врачи не получают большого материального вознаграждения (в некоторых регионах такое участие не оплачивается вовсе и включается в общую заработную плату врача), многие договоренности держатся на личных связях эксперта, его договоренностях и прошлом опыте сотрудничества или совместной учебы/работы. Таким образом, вокруг эксперта собирается целая сеть знакомств, через которую впоследствии будет осуществляться и поиск новых специалистов. Обычно заведующие знают, кто из экспертов в их отделе сможет собрать качественную комиссию по определенному вопросу:

Просто так вышло, что почему-то все считают, что я специалист в этой области. Я лично не люблю эти экспертизы, но [...] так вышло, что я начала их делать и я собрала очень сильный состав внештатников, без которых эти экспертизы невозможны. Клиницисты, с которыми мы нашли общий язык. Они любят со мной работать, я люблю с ними работать. Мы доверяем друг другу. (Судмедэксперт, руководитель отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Именно это является главным профессиональным преимуществом, позволяющим «экспертам-комиссионщикам» занимать более статусные позиции: возможность проведения быстрой и качественной комиссионной экспертизы, участие в ней других специалистов зависят от их непосредственного участия. Эксперт, который легко может собрать комиссию из самых разнообразных врачей города, занимает привилегированные позиции в сообществе. По утверждению информантов, такой эксперт – «царь и бог» экспертизы, потому что на нем держится большое количество как организационной, так и аналитической работы.³⁴

Несмотря на это, периодически в отделах комплексных экспертиз также проводят легкие, стандартизированные экспертизы, а танатологи и медики-криминалисты сталкиваются с необычными и интересными для себя случаями. Примером первого является ситуация, когда экспертиза не дала каких-либо результатов на уровне районного отделения, и ее перенаправляют к «экспертам-комиссионщикам», чтобы стороны и сам суд были уверены в том, что они исчерпали все имеющиеся у них возможности. Тогда, даже если эксперту сразу понятно, что получить какой-либо вывод по поставленным вопросам не представляется возможным, ему необходимо подать ряд ходатайств о дополнительных материалах и удостовериться в том, что ему предоставлена вся релевантная информация по делу. Таким образом, вся работа по составлению экспертизы сводится к обмену ходатайствами и документами, которые слабо влияют на заключение содержательно. В то же самое время у каждого опытного танатолога найдется история о каком-либо сложном случае, когда они обнаружили криминальные причины, казалось бы, естественной смерти (к примеру, следы удара в том месте, где образовался тромб) или выявили совершенно неожиданный диагноз (нашли раковую опухоль) или анатомическую аномалию и т.д. В сложных ситуациях эксперты могут советоваться с более опытными экспертами, своими наставниками или даже коллегами из других специальностей. Так, во время наблюдения одна из судмедэкспертов при обнаружении онкологического заболевания пригласила на вскрытие патологоанатомов, работающих в том же здании, поскольку последние обладают большим опытом работы с раковыми опухолями и могут подтвердить или опровергнуть предположения эксперта.

Многие эксперты рассматривают свою работу как творческую деятельность, для которой нужно вдохновение. Параллельно в работе у каждого эксперта находится несколько экспертиз, и формирование собственных выводов по каждой из них проходит по-разному. Для простых экспертиз необходим настрой на шаблонную и рутинную работу, которую нужно выполнить быстро и с минимальными ресурсами, для сложных дел – больше времени для того, чтобы в голове эксперта «сложилась картинка» заключения. Эксперты управляют собственным расписанием, чередуя рутинные задачи с теми, что требуют глубокого интеллектуального погружения. В этом плане они обладают достаточной свободой в самоорганизации.

Я примерно на каждый день себе формирую какой-то пул задач, которые, конечно, не выполняются и перетекают на следующий день, но работа творческая, требует вдохновения, поэтому вдохновение пришло, я могу перелопатить задачи и завтрашнего дня. Вдохновение не пришло, значит, сидим в интернете и читаем специальную литературу, так как для меня это еще и хобби. Ну, есть, конечно, какой-то регламент, есть какой-то цейтнот, и периодически он возникает, и поэтому все это внешнее происходит в рамках трудового процесса надлежащего, а внутри это, конечно, метание от вдохновения к вдохновению. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

³⁴ Иногда «эксперты-комиссионщики» могут «выторговывать» для себя более гибкие условия работы: просить более высокую оплату для привлеченных ими подрядчиков, соглашаться или отказывать следствию или суду принять экспертизу к производству, так как для этого необходимо наличие клиницистов, которые уже согласились участвовать в комиссии и т.д. При этом в суде экспертам легче защищать свою экспертизу и доказывать её правоту, поскольку они могут аргументировать профессиональными компетенциями клиницистов тех моментах, в которых не так хорошо разбираются сами.

Это характерно не только для судебных медиков, творческий подход к экспертизам озвучивают и эксперты-криминалисты:

У нас не производство, где ты сидишь, так сказать. Это не конвейер. Человек думает. Он может просто сидеть и думать. (Эксперт-криминалист РЦСЭ Минюста)

Таким образом, заключение является продуктом не только самих экспертов, но и помогающего им персонала (лаборантов, регистраторов и санитаров), других экспертов (коллег, к которым они могут обратиться за советом, и тех, кто проводит дополнительные исследования) и существующих наработок, не только коллективных, но и индивидуальных. В рутинных практиках принято разделение на простые и сложные случаи. Первые занимают больше технического времени, а вторые нуждаются в лучшем осмыслении. В таких случаях практически всегда эксперты советуются – с руководством, с коллегами, с бывшими наставниками. В зависимости от содержания каждая экспертиза может быть более или менее стандартизированной, и эксперты активно ищут способы автоматизации собственной деятельности, чтобы оставить место для творческой стороны своей работы. Шаблонизация – основной институциональный механизм, позволяющий справиться с потоком «простых и несложных» экспертиз, оставив время для тех случаев, где нужно подумать или посоветоваться с коллегами.

ЭКСПЕРТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Институциональный и организационный контекст, в котором трудятся рассматриваемые две группы экспертов радикально различается. Мы отдельно опишем его для судебно-медицинских бюро и криминалистических подразделений правоохранительных ведомств и Минюста.

Судебно-медицинские бюро – двойная субординация

Ведомственное подчинение

Судебно-медицинская деятельность реализуется в России посредством нескольких ведомственных вертикалей. Бюро судебно-медицинской экспертизы могут подчиняться:

1. Организационно – комитетам, министерствам и прочим органам субъектов РФ в сфере охраны здоровья граждан, методически – Министерству здравоохранения РФ через Российский центр судебно-медицинской экспертизы (ФГБУ РЦСМЭ);
2. Федеральному медико-биологическому агентству (далее – ФМБА), в свою очередь подчиненному Президенту России³⁵;
3. Следственному комитету России: с июля 2020 года у Следственного комитета существует собственный Судебно-экспертный Центр;
4. Министерству обороны РФ.

В нашем отчете мы не будем подробно описывать последние два варианта, поскольку в сравнении с экспертными учреждениями системы здравоохранения или ФМБА таких учрежденийкратно меньше, и они занимаются узкоспециализированными задачами. Например, в сферу деятельности учреждений, подчиненных Минобороны, попадает деятельность военнослужащих, население военных городков, а также специфические для военных действий типы травматизации.

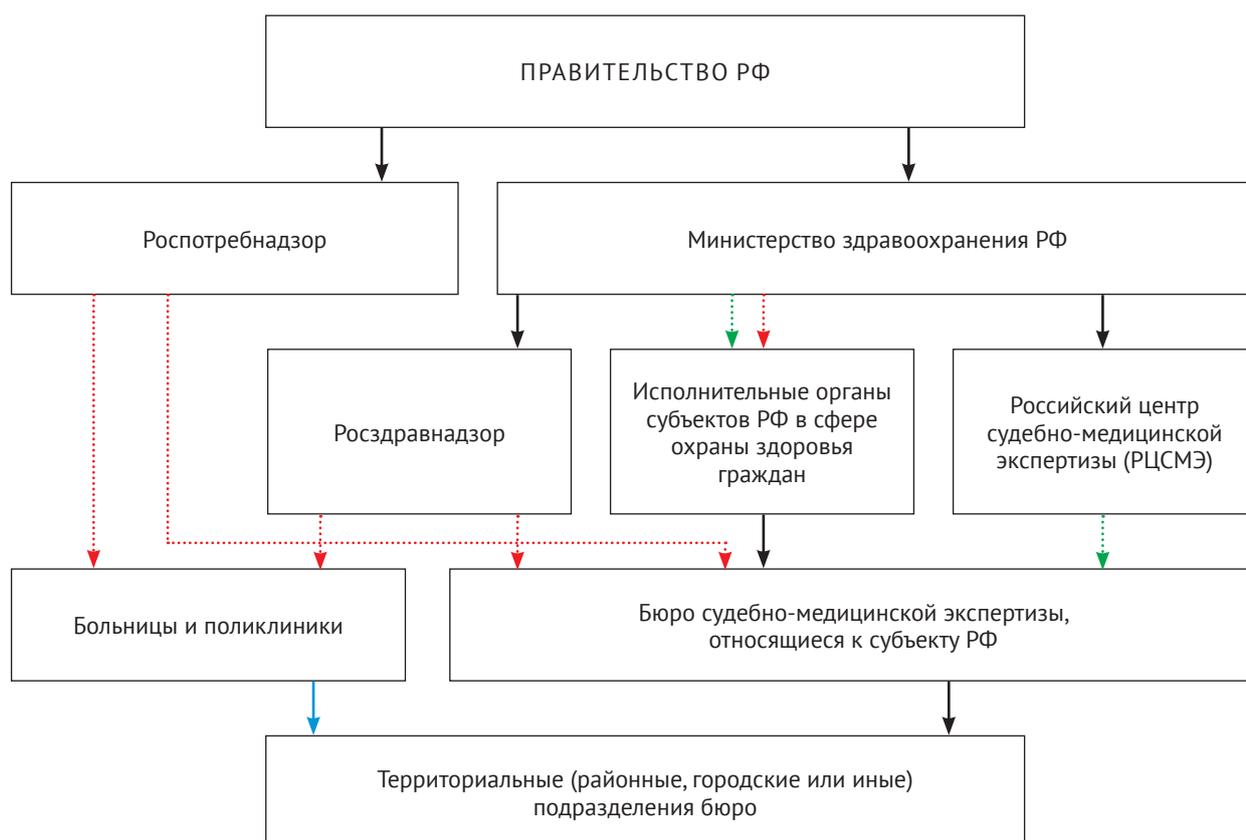
В свою очередь, система здравоохранения имеет разветвленную систему экспертных учреждений в каждом субъекте РФ. Именно к ней относятся судебно-медицинские эксперты в территориальных отделениях. Бюро, принадлежащие ФМБА, обслуживают закрытые административно-

³⁵ До этого ФМБА находилось в подчинении Минздрава России и Правительства России, но в соответствии с Указом Президента РФ от 11.05.2024 N 326 “О структуре федеральных органов исполнительной власти” теперь агентство подчиняется напрямую Президенту Российской Федерации.

территориальные образования (ЗАТО) и прилегающие к ним территории, а также предприятия в статусе ЗАТО. Эксперты таких бюро работают только с нынешними или бывшими (в недавнем времени) сотрудниками данных предприятий и маленькой прослойкой населения, проживающей рядом, но содержательно их работа будет аналогична работе экспертов по линии система здравоохранения.

Районные отделения региональных БСМЭ реализуют работу в условиях двойной подчиненности. С одной стороны, районные, городские или иные судебно-медицинские отделения в организационно-методическом отношении подчиняются начальникам субъектов медицинских бюро, которые определяют основные предписания и регламенты экспертной деятельности. Те в свою очередь подчиняются либо органам здравоохранения субъекта РФ, либо напрямую Президенту России (в случае ФМБА). С другой стороны, на уровне административно-хозяйственного подчинения, БСМЭ подчиняются не столько Минздраву или Президенту, сколько региональным органам в сфере здравоохранения (областным комитетам, министерствам и прочее). Они также контролируются федеральными контрольно-надзорными ведомствами (Росздравнадзор, Роспотребнадзор и другими исполнительными органами, которые проводят государственную политику субъектов РФ в сфере охраны здоровья граждан).

Рис 3. Схема ведомственного подчинения для территориального подразделения бюро по линии РЦСМЭ. Черными стрелками обозначены отношения непосредственного ведомственного подчинения. Зелеными пунктирными стрелками – отношения методической помощи. Красными пунктирными стрелками – отношения контрольно-надзорной деятельности. Синей стрелкой – территориальное соседство и отношения, возникшие на его почве.

Зачастую районное отделение БСМЭ использует материально техническое оборудование районной больницы (например, судебные медики-танатологи делят один морг и одну секционную с патологоанатомами). При проведении работ экспертам также подчиняется младший медицинский персонал. Это закладывает первую сложность в работе бюро, т.к. его районные отделения начинают учитывать реструктуризации и организационные изменения в больницах, а также откликаться на пожелания руководства больниц по различной бюрократической отчётности, под-

готовящейся для вышестоящих органов (чаще региональных, нежели федеральных) и не учитывающей специфику работы судмедэкспертов. Так, один информант упоминал о том, что к его отделению присоединяют патологоанатомическое отделение в больнице с пока ещё неясными перспективами. Это же верно и для всего БСМЭ, откликающегося на планы и бюрократические требования, спускаемые из региональных Минздравов.

Эксперты районного уровня считают, что их мотивируют подгонять статистику под присланные стандарты. Один из информантов описывал ситуацию, когда Минздрав объявил о начале кампании против туберкулеза, и экспертам сказали, что «туберкулёз – плохой диагноз. Лучше ставить... ВИЧ» (судмедэксперт, заведующая отделением). Схожая ситуация была и с другой кампанией против сердечно-сосудистых заболеваний. В результате новые указания по кодированию заболеваний, по мнению судмедэкспертов РСМО, ставят их в *де-факто* зависимое положение от разнообразных политик федерального и региональных Минздравов, а также собственных планов больниц. Однако руководители субъектов бюро, будучи включенными в постоянное взаимодействие с региональными Минздравами, интерпретирует эту ситуацию иначе. В их понимании изменения в разработке статистики смертности неразрывно связаны со сложностями использования категорийного аппарата Международной классификации болезней (МКБ-10), учетом обстановки в регионе и различными инновациями в медицинской науке. Из-за того, что многие заболевания часто протекают одновременно³⁶, имеют схожий генез и симптоматику, а сама нозология (классификация) болезней претерпевает изменения, в некоторых случаях судмедэкспертам необходимо менять привычные им паттерны диагностирования причины смерти.

Взаимодействие районных отделений с больницей и всего БСМЭ с региональным министерством или комитетом здравоохранения отражается не только в статистических показателях, но также в общей отчетности (эксперты пишут ежеквартальные и ежегодные отчеты) и материальном обеспечении. Учитывая то, что регионально субсидируемая медицина хронически страдает от недостатка средств, материальное обеспечение, по мнению экспертов, оказывается достаточно плохим. Отделения, в которых сделан ремонт, являются редкостью, и местные эксперты с гордостью рассказывают об их новом оснащении. В результате общее положение экспертов можно выразить фразой одного из информантов:

...мы, по большому счёту, выполняем работу либо для следствия, для юстиции, деньги нам платит Министерство здравоохранения, которому мы не нужны... А те, кому мы нужны... Они денег не платят, и поэтому они могут заваливать нас количеством работы, потому что им это обходится бесплатно. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Другой трудностью оказывается то, что иногда бюро переводят из статуса бюджетных учреждений (что позволяет им заниматься коммерческой деятельностью) в статус казенных (что запрещает им работать на платной основе). Эта практика, хоть и не является частой, затрагивает некоторое количество сотрудников. На начало 2022 года в России действовало 87 государственных учреждений судебно-медицинской экспертизы: 71 из них были бюджетными, 13 – казенными, 3 – автономными. По данным ЕГРЮЛ, за последние 10 лет из 87 субъектов БСМЭ 7 меняли свой статус³⁷.

³⁶ Медики называют заболеваниями, имеющими общий механизм развития и возникающие одновременно, коморбидными. Такие заболевания усиливают друг друга, при этом судебно-медицинскому эксперту в своем заключении необходимо выделить *основное состояние* и (при их наличии) описать *сопутствующие*, то есть указать, что явилось основной причиной смерти, а что – сопутствующими ей заболеваниями. Вопрос о «главной» причине смерти принципиален для судмедэкспертов, поскольку уже на этапе вскрытия, часто еще не имея перед собой лабораторные анализы, они должны определиться с тем, какую причину они укажут в медицинском свидетельстве о смерти – документе, который учитывается загсом и Росстатом при формировании медицинской статистики. Изменения в диагнозах нередко происходят за счёт того, что бывшее ранее сопутствующим заболеванием становится основным.

³⁷ Интерактивная карта с подписанными субъектами РФ доступна по ссылке: <https://datawrapper.dwcdn.net/jGi8h/1/>

Рис. 4. Статус БСМЭ по субъектам РФ в 2022 году

Карта: Институт проблем правоприменения при ЕУСПб. Создано с помощью Datawrapper

По словам одного из информантов, при переводе их бюро в казенный статус появилась специальная тарифная сетка со строго определенной заработной платой. В результате этого перехода зарплата перестала коррелировать с временными затратами эксперта, поскольку единственный тип выплат в казенном учреждении – оклад и премии. Фактически в бюро исчезли возможности дополнительного заработка и регуляции экспертом собственного рабочего времени. Главная проблема перевода экспертного учреждения в казенный статус заключается в повышении неопределенности: «никто не понимает, как работать». У экспертов образуется вал работы, т.е. большое (и увеличивающееся в последнее время) количество экспертиз, которые нужно сделать как можно скорее. При этом полностью отсутствуют финансовые стимулы для быстрой работы, т.к. зарплата формируется из оклада, рассчитанного по строго определенному количеству экспертиз. Если эксперт перерабатывает, он не получает доплаты за это. Это стало настолько серьезным ударом для внутренней механики работы учреждения, что обернулось серией судебных разбирательств между экспертами и бюро из-за того, что последнее не оплачивало работы по экспертизам. Разбирательства были безрезультатны: суды установили, что эксперты все-таки должны работать бесплатно при выходе за пределы плана.

При этом руководитель другого бюро указал на то, что тип учреждения не связан радикально с механизмом его бюджетирования. Однако в случае бюджетного статуса учреждения руководство обладает большей гибкостью в управлении ресурсами, что делает его предпочтительным в сравнении с казенным. В последнем необходимо проводить больше согласований с региональным минздравом.

На региональном уровне осуществляются попытки разными способами связать оплату работы эксперта с нагрузкой. Например, в одном из регионов введена балльная система, где тарифицированы все типовые случаи работы эксперта (от 0,5 балла до нескольких баллов). Накопленные экспертом баллы подсчитываются ежемесячно, и от них зависит переменная часть заработной платы эксперта. В другом регионе руководство бюро снижает или увеличивает нормативы (количество экспертиз), которые эксперт должен выработать в течение месяца, без их тарификации. Сверхнормативная нагрузка идет в показатель интенсивности труда. Таким образом, при повышении оклада за счёт увеличения нормативов интенсивность труда уменьшается. Итоговая заработная плата при этом остается постоянной.

Типичный рабочий день

Типичный рабочий день судебно-медицинского эксперта различается в зависимости от отделения или отдела бюро. Мы проиллюстрируем разницу между тремя вариантами: районным или городским отделением, медико-криминалистическим отделом и отделом сложных (комиссионных или комплексных) экспертиз.

Работа в районном или городском отделении предполагает прием живых лиц, вскрытия и выезды на места происшествия, требующие присутствия судебного медика, то есть предполагающие наличие трупа. Из-за вредности³⁸ судмедэксперты имеют сокращенный шестичасовой рабочий день³⁹, однако в определенный момент практически каждый эксперт сталкивается с ненормированным графиком или задержками на работе. Это может происходить по разным причинам, например, из-за большого количества трупов, которые нужно вскрыть после масштабного ДТП, срочной необходимости выехать на место происшествия при работе в качестве дежурного эксперта или из-за отсутствия времени на написание заключения по экспертизе в течение рабочего дня, в таком случае заключения могут дописываться и дома в нерабочее время.

То есть, как правило, рабочего дня хватает только на вскрытие. Вот, а заключение у всех по-разному: кто-то занимается этим дома, кто-то занимается этим в другие рабочие дни, когда он освобождён от вскрытий. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Из перечисленного работа с трупами является главным фактором, определяющим нагрузку. От него отталкивается весь рабочий день, поскольку вскрытия надо проводить оперативно. Утром эксперт отделения оценивает имеющийся у него объем работы: сколько поступило трупов, какое количество экспертиз уже находится в работе, какие надо будет начать в ближайшее время и какие у них сроки, что наиболее важно закончить в ближайшее время. Далее определяется порядок вскрытий, так как какие-то трупы (поступившие в выходные или те, которые активно просят родственники) надо вскрыть быстрее, чем остальные. В этом аспекте работа «на земле» по несложным случаям достаточно стандартизирована: вскрытия, осмотры пострадавших, обмен материалами с другими подразделениями (обычно с теми, кто проводит химический и гистологический анализ), последующее оформление документов по экспертизе проходят в целом типовым образом. Для изготовления документов, включая не только отчеты и акты, но и сами экспертизы, используются наработанные шаблоны (см. выше).

Эксперты не крупных отделений активно взаимодействуют с родственниками и потерпевшими: в бюро определены дни приема живых лиц, во время которых проводятся осмотры и освидетельствования. Значимая часть осмотров живых лиц делается быстро, поскольку главным образом требует типового опроса пострадавшего, фиксации нанесенных травм, а также исследования доступных медицинских документов. В случае же работы с трупами эксперты часто считают своей обязанностью рассказать родственникам простым языком о причинах смерти. В небольших отделениях приходится фактически консультировать граждан о порядке общения с другими структурами (полиция, загс, похоронные службы). Такое взаимодействие с родственниками умерших требует определенной эмоциональной работы со стороны судебных медиков, поскольку люди по-разному реагируют на смерть близких. В некоторых отделениях руководство старается выстроить барьер между экспертами и родственниками через административный персонал (регистраторов), который принимает документацию и выдает заключения. Сначала каждый посетитель бюро направляется в регистратуру, где ее сотрудники берут на себя «первый удар»: отвечают на формальные вопросы, успокаивают эмоциональных посетителей и т.д. Они также инструктируют

³⁸ Понятие вредных условий труда (часто называемых просто вредностью) и связанные с ними компенсации определяются в ТК РФ и Федеральном законе N 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда». Вредность предполагает наличие вредных или опасных для здоровья сотрудника факторов на рабочем месте. При работе во вредных условиях труда сотрудникам полагается надбавка к окладу, сокращенный рабочий день, ежегодный дополнительный отпуск и иногда — льготная пенсия.

³⁹ Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 N 101 (ред. от 24.12.2014) «О продолжительности рабочего времени медицинских работников в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности» — URL: <https://base.garant.ru/12129879/> (дата обращения 24.06.2024)

родственников о дальнейших шагах по оформлению свидетельства о смерти. В таких ситуациях судебные медики освобождаются от необходимости личного контакта с каждым пришедшим и дают консультации только по запросу: для наиболее настойчивых граждан или по вопросам о причинах смерти. Такие регистратуры снимают не только коммуникативную нагрузку, но и часть бумажной работы с экспертов. Именно регистратура проверяет комплектность документов от полиции при поступлении запроса на исследование в рамках проверки или от следствия или суда по запросу на полноценную экспертизу. Она же оформляет официальные документы для приема живых лиц.

Однако планировать количество трупов и происшествий в день обычно не представляется возможным, из-за этого рабочий день эксперта становится нестабильным и требует постоянной готовности переключиться на другие задачи:

К сожалению, хоть и кажется, что у нас работа такая, очень планируемая и спокойная, на самом деле это не так, потому что неожиданно приезжает следствие, которому нужно срочно закончить что-то... Или вдруг вызывают на место происшествия, соответственно, все трупы остаются на столе, и ты быстро едешь, потом возвращаешься. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

Важной частью рутины не только самих экспертов, но и административного штата является планирование и организация доставки материалов в головное подразделение БСМЭ для проведения дополнительных исследований. За время анализа материалов эксперты на местах подготавливают предварительные документы о вскрытии, направляют их заинтересованным сторонам (чаще всего полиции), а также «справки» (медицинские свидетельства о смерти) родственникам для решения вопросов о захоронении.

В отличие от районных и городских отделений, должность в медико-криминалистическом отделе БСМЭ предполагает работу в лаборатории с вещественными доказательствами и объектами. Таким образом, к экспертам поступают не трупы, а различные фрагменты биоматериалов (кожи, костей и т.д.), которые необходимо проанализировать. Работа медика-криминалиста включает в себя практически те же этапы, что и у танатолога, работающего с трупами: изучение сопутствующих документов и материалов дела, дополнительные выезды на места происшествий при необходимости, проведение экспертизы (анализа), оформление заключения и собственной документации. Однако, помимо отсутствия контакта с живыми лицами, она отличается большей стабильностью и прогнозируемостью нагрузки. Медики-криминалисты в меньшей степени зависят от срочных и неподконтрольных им задач (хотя и случаются срочные исследования и выезды). Установленных законодательством сроков для проведения экспертизы обычно хватает для того, чтобы равномерно распределить нагрузку между экспертами:

Работа в лаборатории медико-криминалистической, она отличалась от морга возможностью планировать, то есть я знала объем работы, которая мне предстоит на неделе. У меня в работе было определенное количество экспертиз, я составляла план, это вот я тогда-то начну, этот этап – тогда-то. Естественно, бывали какие-то форс-мажорные ситуации тоже, но даже форс-мажорные ситуации были немного планируемыми. Те же выезды на места происшествий, повторные осмотры для фиксации следов крови, которые мы осуществляли уже в рамках деятельности в медико-криминалистическом отделе, они все равно планировались. Это не работа «на точке», где вот совершенно такой вот постоянный форс-мажор и постоянная стрессуха, что называется. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

Эксперты, работающие со сложными, комиссионными и комплексными экспертизами работают в головном представительстве бюро, вместе с лабораториями. Их рабочие обязанности предполагают меньше непосредственного контакта с биоматериалами и доказательствами, но больше аналитической работы с медицинскими документами и профильной литературой. Редко, но случаются осмотры живых лиц или вскрытия (в некоторых бюро принято решение, что младенческие трупы вскрываются только экспертами из этого отдела). Поскольку в отдел сложных экспертиз отправляются спорные экспертизы, требующие участия внешних специалистов и которые не смогли бы провести эксперты в районных отделениях, такие экспертизы обычно сопровождаются боль-

шим количеством материалов. Со всеми ними надо ознакомиться, понять, какие медицинские специалисты необходимы для проведения исследования. Дальше необходимо собрать комиссию (см. выше) и разослать ее членам всю документацию. Конечно, как и все остальные судмедэксперты, сотрудники отдела сложных экспертиз проводят значимую часть дня, заполняя документы и составляя заключения по уже проведенным экспертизам. Однако для них принципиально важно уделять время самостоятельному погружению в разбираемые на комиссии вопросы:

Более аналитическая работа здесь. Меньше практической работы, то есть мы не смотрим кожные лоскуты, мы не исследуем одежду, мы не исследуем орудие убийства, но при это мы исследуем очень много документов, медицинских в том числе, заключения те же... Отделов, которые к нам стекаются. То есть это, в основном, это аналитическая, мозговая деятельность такая. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

У «экспертов-комиссионщиков» есть свой список дел, требующий их личного присутствия вне офиса. В первую очередь это судебные заседания, на которые такие эксперты (выступающие в роли эксперта-организатора комиссионной экспертизы) вызываются чаще других членов комиссий, поскольку судья с большей вероятностью будет нуждаться в показаниях и комментариях ключевого эксперта при разборе сложных кейсов. Также «эксперты-комиссионщики» бывают заняты поиском специалистов для собственных комиссий. Если бюро впервые сотрудничает с кем-то из клиницистов, принятой практикой является согласовывать условия сотрудничества не только с самим специалистом, но и с руководством его организации, поскольку это предполагает дополнительную нагрузку на сотрудника. В таком случае эксперт лично приезжает в медицинское учреждение, где знакомится с начальством. Хотя у экспертов из отдела сложных экспертиз чаще всего уже есть связи и устойчивые личные договоренности, формально никаких долгосрочных договорных отношений между клиниками и бюро нет, поэтому сбор комиссии всегда полностью зависит от эксперта, и в ряде учреждений он же должен обговаривать с клиницистами их гонорар и условия труда:

Точно так же я обращаюсь в клиники, где существуют качественные травматологи, которые готовы поучаствовать. В одной клинике отказываются, я обращаюсь во вторую. Во второй клинике отказываются – я обращаюсь в третью. Для этого нужно садиться на общественный транспорт и переть по всем этим клиникам. Потому что иначе договориться нельзя. То есть нужно всегда личное общение: приходите к заведующему отделением, если с этими специалистами не работал... никогда ранее. Если ты работал с ними ранее, то можно обратиться уже напрямую к этому специалисту. У них зачастую возникает требование о том, что участие их в экспертизе должно быть согласовано с непосредственным начальством: или с начмедом, или, как минимум, с заведующим отделением. То есть эти вопросы тоже нужно решать. То есть этот вопрос не урегулирован совершенно... (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

При этом в большой части субъектов оплата труда привлечённых специалистов осуществляется заказчиком – следствием или судом.

Поскольку большинство наших информантов занимают руководящие позиции (заведующие отделениями или отделами), то на их плечи ложится дополнительная работа, связанная с управлением. В задачи заведующих входит распределение экспертиз между сотрудниками, оформление отчетной документации, внесение данных в различные системы учета: как говорилось ранее, отчетность необходимо предоставлять не только администрации бюро, но и региональным комитетам или министерствам здравоохранения, к которым относятся отделения. На бумажную работу как у рядового эксперта, так и у руководителя уходит значимая часть рабочего дня (по мнению отдельных информантов, минимум половина), хотя большая часть документов имеет стандартизированный вид и заполняется «шаблонным» путем. Кроме этого, как и в других организациях, в экспертных бюро распространённым является «двойной документооборот», когда одни и те же документы заполняются и в электронном, и в бумажном виде. Эксперты также обязаны развернуто и письменно отвечать на все официальные запросы (ходатайства), приходящие от следствия, суда или сторон защиты, истца или ответчика для экспертиз в гражданских процессах, которые имеют право ознакомиться с результатами экспертизы (см. ниже о неформальном взаимодействии со следствием и судом).

Внутренняя иерархия (показатели оценки)

Значимую часть внутренней содержательной статистики бюро собирает организационно-методический отдел, и от многих заведующих не требуется внимание ко всем анализируемым ими показателям. Среди отделений бюро также нет какой-либо конкуренции и для них редки проверки (два лейтмотива, которые, как мы увидим далее, очень актуальны для экспертно-криминалистических учреждений при МВД). Ключевым фактором, на который влияет внутренняя оценка труда среди судмедэкспертов на всех описанных нами уровнях, является заработная плата. Главная проблема – то, что в разных частях одного бюро и среди разных субъектов бюро критерии для формирования зарплаты значимо отличаются.

Обычно на каждой должности для судебных медиков существует определенное количество экспертиз, которые эксперт должен сделать для получения своей минимальной ставки. Так, если руководствоваться рекомендуемыми штатными нормативами⁴⁰, для эксперта в районном отделении может быть необходимо провести около 60 вскрытий и 120 приемов живых лиц в год. Для «эксперта-комиссионщика» – провести 1,5 сложных экспертизы в месяц. Нагрузка медиков-криминалистов исчисляется в объект-методах, коих в одной экспертизе может быть очень много:

Там измерение объема идет в объект-методах. Объект-метод – это какое-то определенное количество методик, примененное в той или иной экспертизе. И одна экспертиза может исчисляться двумястами объект-методами, другая восемнадцатью – да? – а третья четырьмя тысячами. Вот остеология, например, там масса методик, методов и измерений. Каждая единица считается объект-метод, и там до тысяч доходило. А какое-нибудь исследование планктона с поиском вот этих простейших на стекле измерялось двенадцатью, восемнадцатью объект-методами. То есть, а много или мало? Ну, в день я могла сделать одну экспертизу, я могла сделать две экспертизы, могла в неделю сделать одну экспертизу. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Экспертизы, проведенные сверх установленного минимального объема, могут учитываться различными способами. Одним из таких способов является интенсивность труда. В таком случае каждая последующая экспертиза будет стоить все меньших и меньших денег, поскольку надбавка растет экспоненциально. В какой-то момент экспертам становится невыгодно продолжать работать над новыми экспертизами, хотя на них может существовать запрос со стороны следствия и суда. По словам наших информантов, для некоторых должностей – например, экспертов районных отделений, – оклад может коррелировать с их трудозатратами, поскольку руководство бюро может позволять получить несколько ставок. Сами же эксперты в РСМО говорят, что распространена ситуация, когда в их отделении больше всех получают санитары, поскольку те одновременно могут работать и на бюро, и на местную больницу (обслуживать и патологоанатомическое отделение), а также иметь некоторые связи с похоронным бизнесом.

Частой является ситуация, когда даже несмотря на перевыполнение плана по экспертизам, необходимым для получения оклада, расширить ставку могут лишь в полтора раза, поскольку больше не позволяет штатная численность бюро. Если в бюро нет ставок, значит, нет и возможностей для доплат, в таком случае эксперты могут прибегать к подработкам (см. выше).

В других случаях актуальным становится вопрос отчета бюро перед комитетами и министерствами здравоохранения. Оно тоже нередко требует определенное количество экспертиз, при этом не давая определение тому, что будет являться экспертизой. В таком случае эксперты склонны воспринимать это как «гос. задание», которое мешает им работать, и могут корректировать отчетность по нагрузке, поскольку экспертизой можно назвать и сложную комиссионную экспертизу, и определенное исследование гистологического препарата, по которому также будет написан некий аналитический вывод, вставленный в стандартную экспертизу. Первое может занять до нескольких месяцев, в то время как второе делается в краткие сроки, и на одном материале (на одном трупе) может быть проведено множество таких исследований.

⁴⁰ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 N 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103821/ (дата обращения 24.06.2024)

Руководители районных отделений БСМЭ на местах также понимают, как можно «манипулировать» собственной нагрузкой. Так, они могут варьировать число проведенных экспертиз, принимая к производству материалы, заведомо зная, что по ним нельзя сделать причинно-следственного вывода в силу неполноты данных. Экспертиза без содержательного вывода будет все равно закончена в срок и отправлена заказчику. Если в учреждении есть необходимость показать большой объем нагрузки, это можно сделать через производство таких экспертиз. Если же, напротив, необходимо сократить объем «пустых» экспертиз, то используются две стратегии. Первая – не принимать в производство постановления о назначении экспертиз, если правоохранительные органы (читай, участковые, инспекторы ГИБДД, следователи и дознаватели) сразу не предоставили всю необходимую документацию. Так, в Таблице 1 представлен общим объемом экспертных заключений, вынесенных двумя судебными медиками, работающими в типовом районном отделении БСМЭ, и отдельно указан объем самых массовых экспертиз по живым лицам. Мы видим, что в 2013–2015 гг. общий объем экспертиз был почти в полтора-два раза выше, чем после 2016 года. При этом поток экспертиз по живым лицам практически не менялся. По рассказу главы отделения БСМЭ, раньше они принимали в производство документы, не проверяя их полноту. Если данных для обоснованного вывода по вопросам было недостаточно, то экспертиза завершалась, отправлялась заказчику без содержательного вывода и учитывалась в общей статистике нагрузки. В определенный момент в учреждении в целом усилился контроль за количеством «пустых» экспертиз, и «раздувать» нагрузку стало невыгодно. В связи с этим глава районного отделения усилил контроль за полнотой предоставляемых полицией медицинских документов. Экспертизы перестали приниматься к производству без должного объема всех необходимых для экспертного исследования документов.

Таблица 1. Нагрузка в районном отделении БСМЭ, в котором работают два судебно-медицинских эксперта. Источник: Дневник наблюдения, 13.10.2023.

	<i>Число экспертиз (включая и те, по которым не сделан причинно-следственный вывод)</i>	<i>Из них: По живым лицам</i>
2013	1390	Нет данных
2014	1286	Нет данных
2015	1100	719
2016	784	628
2017	691	628
2018–2019	Нет данных	Нет данных
2020	745	703
2021	737	561

Вторая легальная стратегия снижения потока экспертиз, по которым нельзя сделать содержательный вывод, – это направить ходатайство заказчику экспертизы об истребовании необходимых данных и на этот период приостановить производство экспертиз. Это позволяет экспертам управлять сроками производства экспертиз (время между приостановлением и возобновлением экспертизы не засчитывается в сроки ее производства), особенно в сложных случаях.

Отдельно стоит упомянуть многочисленные попытки руководства бюро скорректировать структуру заработной платы для адекватного учета разнородной нагрузки и экспертов разного профиля. В результате одной из руководительниц удалось это сделать, введя внутренние коэффициенты сложности для разных видов экспертиз. Такая система предполагает, что каждой экспертизе присваивается коэффициент, увеличивающий или уменьшающий ее стоимость: простой осмотр потерпевшего или вскрытие некриминального трупа могут идти с коэффициентом 0,5, крими-

нального — с коэффициентом 1, вскрытие гнилого трупа с появившимися от времени изменениями — с коэффициентом 1,5 и т.д. При этом в отличие от описанных выше отчетов оценку экспертиз и распределение коэффициентов проводят сами руководители отделений — люди, непосредственно погруженные в профессиональную экспертную деятельность. Однако такая реформа потребовала длительных переговоров с вышестоящим руководством в течение пяти лет. Схожую ситуацию зависимости руководства бюро от позиции региональных органов исполнительной власти в сфере здравоохранения можно наблюдать и в случае «ятрогенных» экспертиз (экспертиз о качестве медицинской помощи, всегда требующих составления комиссии). Самым красноречивым описанием является монолог той же руководительницы отдела:

Значит, я слежу, понимаю, что у меня в этом году вдруг резкий скачок ятрогенных экспертиз. Я понимаю, что количество внештатных специалистов, которых я привлекаю, резко растет. И, значит, у меня бюро к концу года выйдет за лимит выделенных на это средств, да. Безусловно, это не моя работа, но, к сожалению, в наших бюро все повешено на экспертный состав. Я знаю, что как только деньги закончатся, а произойдет это, по моим расчетам, по моим скромным математическим расчетам, где-то в сентябре, всё это повесят на меня (смеется). Я буду виновата. Я начинаю с марта бомбиться и писать: «Товарищи из администрации, обратите внимание, число экспертиз ятрогенных по сравнению с тем годом увеличилось на столько, количество внештатных привлеченных — на столько, надо предпринимать меры». Никакие меры не предпринимаются. Заканчивается прогнозируемо, я виновата. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

Таким образом, в отношении заработной платы, собираемой отчетности и связанной с этим нагрузки (чаще всего, бумажной) бюро судебно-медицинской экспертизы организационно зависят от комитетов, министерств и прочих органов субъектов РФ в сфере охраны здоровья граждан, а неформально — от больниц, с которыми районные отделения соседствуют территориально. Это накладывает на работу судебных медиков определенные трудности: эксперты сталкиваются с необоснованными, по их мнению, требованиями к отчетности, плохой материальной оснащенностью отделений и ситуациями, когда оплата их труда не коррелирует с затраченными усилиями и временем. При этом типичный рабочий день судебно-медицинского эксперта отличается в зависимости от его специализации. Для экспертов-танатологов он наполнен достаточно стандартизированными задачами (вскрытия, осмотры живых лиц и выезды на места происшествия), однако им будет сложнее прогнозировать собственную нагрузку из-за неподконтрольных им факторов (количество трупов, срочные выезды и т.д.). В то же время поток задач медиков-криминалистов и «экспертов-комиссионщиков» более стабилен, а в список обязанностей последних входят дела, связанные с составлением комиссий. Эксперты-танатологи, в отличие от медиков-криминалистов, чаще взаимодействуют с живыми лицами и родственниками, что требует от них некоторой эмоциональной работы: контакта с людьми, которые недавно пострадали или потеряли близких. Для того, чтобы снизить количество таких эмоционально насыщенных взаимодействий (впрочем, как и бумажной работы), во многих отделениях БСМЭ работают регистраторы — первые сотрудники, с которыми сталкиваются приходящие в бюро заказчики экспертизы, пострадавшие или родственники умерших.

Экспертный центр: «пасынок» своего ведомства

Ведомственное подчинение

В вопросе ведомственной подчиненности эксперты-криминалисты, принадлежащие к МВД и Минюсту, находятся в разных организационных позициях и сталкиваются с разными проблемами. В начале 2000-х гг. В России была произведена реформа экспертно-криминалистической деятельности, в результате которой был создан единый экспертно-криминалистический центр МВД России (ЭКЦ МВД)⁴¹. До этого эксперты-криминалисты находились в прямом подчинении у начальников территориальных органов МВД, не имея обособленной вертикали внутри силово-

⁴¹ Приказ МВД России от 16.06.2010 N 437 «Об утверждении Устава государственного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) — URL: <https://base.garant.ru/72031480/> (дата обращения 24.06.2024)

го ведомства. Сейчас же они включены в профессиональную иерархию ФГКУ ЭКЦ МВД России, являющегося федеральным государственным казенным учреждением. Однако почти вся экспертная деятельность в полиции в первую очередь осуществляется по территориальному принципу – большинство экспертиз проводится отделениями, закрепленными за определенной территорией, – и в реальности эксперты-криминалисты как работали, так и продолжают работать при территориальных органах МВД⁴².

В отличие от БСМЭ (которые подчиняются органам исполнительной власти федерального и регионального уровней), криминалистические отделы при ОВД имеют иную природу двойной подчиненности: криминалистический отдел при МВД подконтролен ЭКЦ в региональном управлении⁴³ МВД и одновременно находится в оперативном подчинении у руководства районного ОМВД, это и де-юре и де-факто признак линейно-штабной организации МВД⁴⁴ как единого федерального ведомства. Региональная исполнительная власть никак не участвует ни в организации, ни в финансировании таких подразделений. И хотя часть наших информантов была переведена на прямое подчинение в ЭКЦ (что должно было повысить их самостоятельность от территориальных отделов МВД), в хозяйственном отношении эксперты остаются зависимы от руководства этих отделов. Это порождает ситуацию, схожую с той, в которой оказываются судебно-медицинские эксперты: они зависят по административной части от организации, которая напрямую не несет материальную и организационную ответственность за это подразделение:

О: Что касается расходных материалов, тыловая служба ОМВД нас обеспечивает бумагой, даже оргтехникой, оказывает помощь, скажем так, в ремонте оргтехники, но не всегда. Вот он, типа, данный компьютер, к примеру, у нас его в спецификации нет. Т.е. у меня, как бы на мне висит, я – как материально ответственный. Вот в ОМВД его нет, значит, мы отремонтировать его не будем. Т.е. мне ЭКЦ выделило компьютер, я его получил, мне могут [в ОМВД – прим. авторов] отказать в ремонте. Ну, так или иначе, все вопросы по расходным материалам, я не говорю про какие-то специальные расходные материалы там, я имею в виду, дактилоскопические порошки, я получаю, безусловно, в ЭКЦ или в ГУВД. Тоже оргтехнику я получаю там зачастую. Но так или иначе, какие-то моменты тыловая служба ОМВД решала тоже здесь, а вот ремонт нам сделать не могут... На нас почему-то денег, как всегда, не хватает.

В: Т.е. вы не являетесь приоритетом. Да?

О: Мы не являемся приоритетным подразделением, я так думаю. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Сами криминалистические подразделения в районных ОМВД обычно не бывают большими (в них работают 5–7 человек). Штатная численность количества экспертов в территориальных органах МВД устанавливается исходя из количества преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких, совершённых в районе (например, по оценкам наших информантов, на каждые 160 осмотров мест происшествия в месяц – один эксперт).

Эксперты-криминалисты от МВД в целом встроены в рутинные практики ведомства. Как и все руководители других подразделений, руководители экспертных отделов должны присутствовать на ежедневных совещаниях территориальных отделов, где получают представление о происходящем внутри разных подразделений. На совещаниях зачитывается криминальная обстановка в районе, а также описываются произошедшие за последние сутки инциденты, идёт обмен мнениями по разным актуальным вопросам. Это важный инструмент координации между подразделениями внутри отделов полиции «на земле»: на таких совещаниях может разрабатываться совместная политика уголовного розыска, следствия и криминалистов по расследованию наиболее громких и сложных преступлений.

⁴² Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.09.2023) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 24.06.2024)

⁴³ Или Министерстве для республик.

⁴⁴ Волков В. В. и др. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2015. – С. 56.

Руководитель криминалистического подразделения так же, как и руководители других подразделений в полиции, несет дежурство по очереди в качестве «ответственного по отделу», снимая или разделяя тем самым часть повседневных решений с непосредственным руководством отдела полиции и его дежурной части. Это вовлекает его в ежедневные практики и нужды отдела полиции. Каждый эксперт-криминалист, работающий в территориальном ОМВД, также несет дежурства, во время которых выезжает на место преступлений в составе следственно-оперативной группы (СОГ). Это также включает низовых экспертов в рутинные практики общения с оперативными сотрудниками, следователями или дознавателями, участковыми, ППС и прочее (см. подробнее ниже).

Кроме того, являясь действующими сотрудниками полиции, эксперты-криминалисты подчиняются Федеральному Закону № 3-ФЗ «Закон о полиции», который требует от них выполнения некоторого ряда общеполицейских задач. Конечно, они не участвуют в ежедневном патрулировании или в профилактической работе с правонарушителями. Но так же, как и любые другие полицейские, они в случае необходимости привлекаются не только по своему прямому специализированному функционалу. Это обычно участие в каких-то общих крупных мероприятиях, когда по приказу руководства территориального ОВД задействуется максимально весь наличный состав полиции: оцепления в случае массовых мероприятий, охрана пунктов голосования во время выборов и прочее. Так же, как и другие полицейские, особенно если криминалист идет на улице «по форме», они должны пресекать преступления и правонарушения, отвечать на обращения граждан. В связи с этим многие из них в те дни, когда нет дежурства, приходят на работу и присутствуют на рабочем месте не в форменной, а в гражданской одежде.

Как уже говорилось ранее, в ходе своей карьеры в МВД эксперт движется вверх по должности и званию: ему присваиваются такие же чины, какие существуют у полицейских и других служащих министерства. С этим связаны определенные социальные гарантии, льготы и выплаты, которые имеют эксперты ЭКЦ, как и все представители МВД:

Поскольку МВД мне дало многое, будем загигать пальцы: образование, жилье, были какие-то льготы, они, в общем-то, как бы и сейчас есть, то же ведомственное лечение, санаторно-курортное лечение, – это перечень и комплекс тех гарантий, которые у меня есть. Я доволен тем, что я [название звания]: у меня есть выслуга, у меня есть пенсия. Этому я обязан системе Министерства внутренних дел. Я считаю, что у меня не плохой, неплохое денежное содержание и у моих экспертов тоже. Вот. Если мы будем в ФГГС [Федеральная государственная гражданская служба – прим. авторов] с зарплатой в двадцать тысяч рублей, там не останется экспертов. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Полноценная включенность в работу отдела полиции (его ритм, показатели и прочее – см. ниже), описанная выше «опогоненность», наличие допусков секретности, карьерная траектория в рамках МВД с особенностями довольствия и ограничениями возможностей законного заработка на стороне в частных организациях (что может расцениваться как коррупция) делают экспертов-криминалистов полностью «захваченными» организационными логиками полиции.

Во втором из описываемых нами случаев криминалистическая экспертиза реализуется в рамках Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РЦСЭ Минюста). В отличие от МВД для региональных экспертных центров Минюста существует только прямой контроль вышестоящего центра и самого министерства⁴⁵. Изначально, когда суды организационно подчинялись Министерству юстиции, центр в его тогдашнем наименовании создавался для экспертного сопровождения судов, а не правоохранительных органов: считалось, что именно туда судьи могут направлять собственные запросы на проведение экспертизы. Это дает местным криминалистам повод упрекнуть экспертов ЭКЦ в недостаточной независимости – первостепенно важном качестве для работы экспертом, – поскольку те работают

⁴⁵ Приказ Минюста России от 29.11.2022 № 308 (ред. от 02.05.2023) «Об утверждении Устава федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433805/ (дата обращения 24.06.2024)

в непосредственной близости от оперативных сотрудников и следствия, и в целом руководства полиции и на них может быть оказано давление со стороны начальства МВД.

О: Ну, мне было прямым текстом сказано: «Вот когда тебя вызовут в кабинет, поставят по стойке смирно, да возьмут под козырек, ты напишешь, что тебе надо». Оказалось, что обвиняемый – это родственник какого-то из высокопоставленных офицеров МВД. [...] с моей точки зрения, большей правильности соответствует все-таки независимость эксперта от ведомства. Вот как наша Минюстовская.

В: Т.е. эксперт должен работать в учреждении, которое не зависит от ведомства какого?

О: От следственного, от проводящего следственные действия. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Подобную установку разделяют и внешние контрагенты, которые не включены в систему правоохранительных органов, но осведомлены о специфике экспертной деятельности в них. Вот, например, мнение адвоката с опытом работы в следствии:

На мой взгляд, эксперты Министерства [юстиции – прим. авторов] <... ..> они профессиональнее, нежели эксперты ЭКЦ ГУВД. <... ..> Здесь, к сожалению, вот этот пресловутый фактор ведомственной подчинённости играет важную роль, поскольку эксперты ЭКЦ ГУВД, в особенности таких важных экспертных направлений, как почерковедческая экспертиза, нечасто берут на себя ответственность делать какие-то такие категорические выводы и находят законные пути принятия решения для итогового вывода о том, что не представляется возможным, либо недостаточно материала представлено. <... ..> Наверно, школа экспертная у экспертов не МВД системы – она более универсальная, и они, проводя экспертизы, всё-таки применяют именно те методики, которые нужно применять, а не те, которые угодны органу, который назначил экспертизу. <... ..> и вообще, на мой взгляд, вот эту систему экспертной службы МВД и ФСБ, их нужно выводить из этих всех структур и делать одну независимую. Вместо того, чтобы рассуждать о том, чтобы делать Следственному комитету отдельную, да, нужно выводить экспертов в отдельную, чтобы они были полностью вне зависимости ни от Следственного комитета, ни от МВД, ни от Минюста – была отдельная экспертная служба. Вот тогда было бы можно говорить действительно о какой-то независимости экспертов. (Адвокат, бывший руководитель следствия)

Хотя большинство экспертных учреждений Минюста работают по хозрасчету, есть те, которые переведены на казённое финансирование, что по описанным выше причинам вызывает недовольство у информантов, работающих там. Однако хозрасчет не спасает остальных сотрудников от финансовых трудностей. Впервые хозрасчет был введен в 90-е годы. Тогда в центре был возможен оплачиваемый прием частных клиентов, при котором 25% суммы шло напрямую эксперту. Поскольку поток клиентов был очень большим, это позволяло значительно увеличить собственный заработок. В 2007 году хозрасчет был отменен, и, по словам наших информантов, именно тогда опустевшую нишу на рынке заполнили различные частные экспертные организации. Хотя не так давно хозрасчет был восстановлен, но количество клиентов так и не вернулось к прежним показателям из-за наличия большого количества альтернатив. Дополнением к сложившейся ситуации становится то, что по закону государственный эксперт не может осуществлять экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта где-либо еще⁴⁶.

Так же, как и для сотрудников подразделений ЭКЦ МВД, признаком ведомственной принадлежности руководителей головного учреждения Минюста являются получаемые (или не получаемые) классные чины гражданской службы. При этом система чинов не действует для рядовых экспертов этого ведомства, что определяет невысокую заработную плату.

Самое обидное при этом, что наши большие ... начальники, которые именно экспертные начальники – московские, у нас раньше он назывался у нас Отдел судебных экспертных учреждений Минюста, а теперь он как-то Департамент меж каких-то там отношений, я даже не знаю, как он называется, но у них все начальники, они все при классных чинах и при погонах

⁴⁶ Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ, статья 16. Обязанности эксперта. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 24.06.2024)

ходят. Мы же все считаемся сугубо гражданскими лицами, хотя нам, вот я тридцать пять лет работаю, тридцать пять лет нам обещают, что нам введут классные чины, у нас будут надбавки за классность, надбавки за чины и прочее, и прочее, и прочее. ... Причем, не знаю, как сейчас, но раньше мы получали, например, даже зарплату в процентах от зарплаты Генерального прокурора России. ... Нам даже были расписаны уже и классные чины. По идее, если бы нам ввели, я вот был начальником отдела, у меня был классный чин – старший советник юстиции. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Таким образом, в рамках системы линейно-штабной подчиненности эксперты-криминалисты, принадлежащие к МВД, включены в профессиональную иерархию ФГКУ ЭКЦ МВД России и одновременно с этим работают при соответствующих территориальных органах МВД. Подобная система тесно связывает их с деятельностью полиции с точки зрения рутинных практик и ценностно-профессиональной ориентации, а также дает определенные материальные и социальные гарантии, связанные со службой в министерстве. В то же время эксперты Минюста имеют вертикаль власти только внутри собственного министерства. Это делает их более независимыми с точки зрения рабочего процесса, но и лишает их привилегий, имеющих у сотрудников МВД, в первую очередь – социальных льгот и более высокой заработной платы.

Типичный рабочий день

В случае экспертов ЭКЦ их связь с территориальными органами МВД отражается еще и в том, как проходит их типичный рабочий день. За исключением регулярных совещаний, на которых присутствует начальство, каждый эксперт в определенные дни заступает на дежурство вместе со СОГ. Дежурство длится сутки, и день дежурного эксперта начинается раньше обычного, поскольку предполагает вооружение и развод (строевой смотр перед началом смены). Дежурные эксперты также присутствуют на общих совещаниях всего состава ОВД, где зачитывается сводка по предыдущим суткам, там же происходит официальная смена двух групп, отдающей и принимающей дежурство. В состав СОГ входят следователь (или дознаватель), оперуполномоченный (или дежурный участковый) и эксперт-криминалист. По заданиям дежурной части или иного руководства в течение дежурных суток СОГ выезжает на места происшествий, где эксперт участвует в осмотре, фиксирует обстановку фото- и видео-средствами, изымает следы или вещественные доказательства (помогая следователю или дознавателю составлять протокол осмотра места происшествия) и работает по поручениям следователя/дознателя, выполняя конкретные его или ее указания. Если на дежурство выезжают опытные сотрудники, каждый знает свои обязанности и работает практически самостоятельно. Нередко эксперт-криминалист помогает следователю или дознавателю в составлении важного документа – протокола осмотра места преступления, – в рамках своей компетентности, указывая или даже надиктовывая описания найденных ключевых вещественных доказательств. Несмотря на то, что дежурство должно быть суточным, если сотрудники работают на маленькой территории, на ночь они часто отправляются домой, оставаясь на связи по телефону для экстренного вызова.

Сами эксперты воспринимают причастность к силовой организации, сочетающей элементы гражданской и военной службы, отчасти как помеху своим профессиональным обязанностям, поскольку с этим сопряжено некоторое количество формальных правил и ритуалов, которые надо соблюдать:

Не, на суть это не влияет. Погонны влияют на другое. То физкультуру⁴⁷ давай сдавай, то иди какие-то тесты, то тревоги какие-то, то вот эта вот рутина какая-то ненужная не в ту сторону: то давайте строиться, то пойдёмте туда... (Старший эксперт отделения ЭКЦ ГУ МВД)

По словам наших информантов, в дни дежурства они выезжают в среднем на 2–3 вызова, максимум – 8, минимум – 0. Также в месяц сотрудник в среднем выезжает на 4–5 трупов. Обычно экс-

⁴⁷ Показатели физической и огневой подготовки должны демонстрировать все «опогоненные» сотрудники полиции, даже тыловые и кадровые службы. От этого освобожден только вольнонаемный персонал.

перт делает большее количество экспертиз в месяц, чем заявлено в соответствующих приказах. Главным фактором, влияющим на переработки, может стать резкий рост преступности (например, с которым эксперты сталкивались в 90-е) или уход кого-то из сотрудников в отпуск или декрет:

Ну, допустим, – аврал, форс-мажор? – ну, к примеру, мы с [имя] тут в течение трех лет вдвоем работали, потому что все остальные были в декрете. Поэтому тяжело планировать. Мы дежурили два через два. Соответственно, никто не снимал с меня обязанности по реализации управленческих решений, по составлению планов и отчетов, и прочее. Нужно было как-то выкраивать время там. Так что начал оформлять отчет, а тебя вызвали на осмотр. Приезжаешь – продолжаешь. А если день урожайный, то бывало так, что в свои выходные, отсыпные как бы это все и делаешь. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

В современных реалиях при проведении экспертиз необходимы доступы к специализированным базам данных, к электронному документообороту и новым технологиям в целом. Допустим, в поисковых целях отпечатки с места происшествия загружаются экспертом-дактологом⁴⁸ в систему АДИС ПАПИЛОН, которая используется самостоятельным подразделением экспертно-криминалистического центра. Интересно, что прямого доступа к работе с полным объемом этих баз данных обычно у низового эксперта нет. На момент наших интервью в прямом доступе у экспертов были базы отпечатков только регионального уровня. Получение доступа к федеральной базе требует от эксперта взаимодействия по вертикали: необходимо позвонить в Москву на самый верх экспертной иерархии (ФГБУ ЭКЦ МВД) или, чаще всего, попросить руководителя сделать звонок. Это нужно, чтобы передать отпечатки из районного отделения в окружные подразделения, которые затем распространят их по регионам для проверки.

Одновременно на плечи эксперта-криминалиста ложится заполнение большого количества документов и прочие бюрократические задачи. Помимо оформления самих экспертиз и фототаблиц с места происшествия, эксперту необходимо вести бумажные и электронные журналы. В них заносится дублирующая информация, но электронная версия делает отчетность почти сразу доступной для головного офиса ЭКЦ, а бумажная нужна для хранения на месте. Специфика контроля в правоохранительном ведомстве выражается и в том, что за соблюдением таких формальностей тщательно следят и проверяют строгость ведения и электронной и бумажной версии документов⁴⁹ (см. подробнее ниже):

Я так думаю, что штат проверяющих у нас достаточный и контролирующие подразделения им проще проверить как в электронном виде, так и в оформленном журнале. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Много работы бумажной, которая делается, ну, скажем так – для проверки, для проверяющих. У нас очень много проверяющих. Допустим, раз в квартал к нам приезжают со специального отдела ЭКЦ специально обученные люди, которые выворачивают наизнанку все наши бумажные журналы, все наши журналы электронные, все считают, чтобы у нас – не дай Бог! – не было бы каких-нибудь разночтений и разногласий. (Старший эксперт отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Иронично, что по словам наших информантов электронный документооборот создавался для того, чтобы впоследствии автоматически формировать отчеты и облегчить жизнь экспертам. В реальности работа с документами увеличилась вдвое.

В случае сотрудников Минюста официальный рабочий день похож на будни типичного государственного служащего: работа начинается в 9 утра и заканчивается в 6 вечера. Однако в реальности из-за большой нагрузки и поджимающих сроков эксперты могут задерживаться на работе по вечерам, работать ночью или в выходные дни. Это нечастая практика, но она связана с неформальными отношениями со следствием и правоохранительными органами. При хорошем отно-

⁴⁸ Дактилоскопическая экспертиза предполагает отождествление отпечатков пальцев и ладоней, изъятых с места происшествия, с дактокартами конкретных людей.

⁴⁹ Это общая практика в МВД, где качество работы проверяется руководством по ведению документации. Волков В. В. и др. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2015. – С. 55–66.

шении к последним эксперты идут им навстречу и стараются закончить свою экспертизу раньше рекомендуемого им по законодательству срока (30 дней⁵⁰). В то же самое время они сталкиваются с давлением, когда подобные сроки позиционируют как обязательные, а не рекомендованные, стараясь ускорить производство экспертизы.

Основная проблема наша экспертная – это противоречие между сроками и думаньем вот этим, необходимостью думать. Без этого никуда, тут и свои дела забываешь, и ночью спать ложишься, и начинаешь в уме прокручивать, что можно сделать, а что нельзя. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Внутренняя иерархия (показатели оценки)

Как происходит оценка деятельности экспертов-криминалистов? Общие показатели в МВД создаются организационно-методическими отделами Центрального аппарата и ЭКЦ МВД. Далее они спускаются до региональных ЭКЦ (наши информанты с долей скепсиса относились к разным инициативам их работников, т.к. они часто не соотносились с реальной нагрузкой работников на местах). Специалисты этих отделов ЭКЦ УМВД приезжают в низовое подразделение ОВД и проводят оценку соответствия работы его сотрудников статистическим критериям:

Опять же, вот занимается статистикой и считает вот это: справедливы ли мои показатели или нет, или я нарушил статистику. Сейчас бьют за это, кстати, по голове больно. Ну, как? Ну, в общем, взысканием. Взыскание в любом случае будет, если есть нарушение статистики. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Отдельное непонимание может вызывать то, что специалисты в этот отдел могут попадать исходя из звания внутри иерархии МВД в целом и полученных в любое время допусков. Т.е. вполне реальна ситуация, когда сотрудник после работы оперативником получил сначала звание, а потом специальные допуски для проведения экспертизы в ЭКЦ, после чего попадал в отделы, оценивающие работу низовых сотрудников, несмотря на то что практического опыта такой работы (и понимания её нюансов) у него может и не быть.

Для примера того, как может оцениваться работа эксперта, приведем список показателей, по которым высчитывается результативность одного из информантов на момент интервью (2019 год), разработанных в ЭКЦ УМВД:

1. **Участие и привлечение специалистов к осмотрам места происшествия по определенным составам** (обычно это тяжкие и особо тяжкие преступления). В данном случае этот показатель важен не столько для эксперта, сколько для общих показателей территориального ОМВД, к которому он прикреплен (то есть ходит ежедневно на работу). Нередко, манипулируя показателем и раздувая объем выездов СОГ, руководство по отделу и оперативный дежурный привлекают экспертов-криминалистов на мелкие, бессмысленные выезды:

Это влияет: как бы и само участие специалиста по данным составам, оно идет в палку территориального органа внутренних дел. Но это единственный показатель, где эксперты влияют. По сути дела, не эксперты. Эксперт же сам себя за шкуру не выдернет там на осмотр. Его дежурная часть привлекает везде на ерунду там, иногда даже на семейные скандалы – ну, вы съездите туда, посмотрите, вот, сфотографируйте что-нибудь. Можно на телефон сфотографировать. Выехал участковый, если надо что-то сфотографировать на семейном скандале. Есть просто комплекс преступлений, которые, к примеру, первые части там особенно по линии дознания там, к примеру, ну, стоял велосипед, его похитил. Что там делать эксперту? а зачем? Сфотографировать. Что сфотографировать? То, чего нет. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

⁵⁰ Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127383/0e05436ec967c19f832c2cc8a666643ac0947734/ (дата обращения 24.06.2024)

2. **Комплексность изъятия**, когда с одного места происшествия изымается несколько видов следов для анализа. Здесь встает вопрос: что считать следом? в одной ситуации, если какой-то тип следов не засчитывать, то с точки зрения отчетности работа по нему не будет видна. По оценке одного из информантов (эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста), на сбор таких «неучтенных» следов приходится до 30% рабочего времени выезда. В обратном случае может происходить изъятие какого-то определенного типа следа, но в центре не будет специалиста, работающего с данным материалом. Такие ситуации будут тянуть центр вниз в общем рейтинге, несмотря на то что у его начальника в ближайшей перспективе нет возможности это исправить;
3. **Эффективность использования следов**, которая выражается в количестве заполненных информационных карт с данными об этих следах: чем больше карт – тем лучше;
4. **Количество видов экспертиз**, которые проводятся в подразделении;
5. **Уровень использования криминалистических учетов**, т.е. количество преступлений, раскрытых именно криминалистическими методами от общего числа раскрытых преступлений;
6. **Уровень результативных экспертиз**, т.е. количество экспертиз с категорически положительным выводом. В приоритете учитываются тяжкие составы преступлений:

В: а это не мотивирует эксперта к тому, чтобы в сомнительных случаях ответить утвердительно?

О: Эксперта? Нет. Руководителя – да. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Показатели оценки устанавливаются не только головным ЭКЦ при Центральном аппарате МВД, но и на уровне региональных управлений. Как и везде в полиции, низовые сотрудники не могут влиять на список показателей и критерии оценки и вынуждены только подстраивать под них свою работу:

О: Вот раньше был такой показатель результативности экспертиз, туда входили все экспертизы, т.е. не только дактилоскопия, трасология. Вот сейчас почему-то считается только дактилоскопия, трасология, а раньше [еще и] почерк. Почему почерк? У меня, допустим, в этом году сто пятьдесят экспертиз по почерку. Девяносто процентов из них с категорически положительным выводом, а они мне в зачет не идут. Несправедливо!

В: То есть субъективизм оценщиков, да?

О: Кто формирует оценки – да. Сменилось руководство ЭКЦ, пришли какие-то другие люди, и они по-другому сформировали систему оценки показателей. Вот и приходится им как-то соответствовать. (Начальник отделения ЭКЦ ГУ МВД)

Дополнительным стимулом для давления со стороны руководства на экспертов выступает конкуренция между подразделениями, устроенная по принципу сравнения «палочных»⁵¹ показателей. По итогам квартала (полугодия и года) в ЭКЦ происходит «подведение итогов и распределение, так сказать, мест – кто хороший, кто плохой» (старший эксперт отделения ЭКЦ ГУ МВД). При этом как головной ЭКЦ, так и ЭКЦ в региональных УМВД интересуют показатели по сравниваемым подразделениям в целом, вклад конкретных экспертов может быть важен главным образом для начальника подразделения при ОМВД.

При этом в экспертных подразделениях достаточная нагрузка для того, чтобы выполнить все минимально необходимые показатели, а выполнение большего объема работы не приветствуется, так как не сказывается на статистике (возможно лишь незначительное и несоразмерное нагружение премирование). В итоге статистическая отчетность может играть какую-то роль для руководителей экспертно-криминалистических подразделений, но не для рядовых экспертов. Намного

⁵¹ Часть показателей учитывается в показателях ОМВД, а часть только в оценке территориальных подразделений ЭКЦ. Поэтому разнонаправленные стимулы по манипулированию «палками» возникают и у руководителей отделов полиции, и у руководства ЭКЦ региональных УМВД.

более значимой становится «мотивация от противного», когда экспертам важно не приписать себе дополнительную нагрузку, а правильно оформить документы по текущей, чтобы не получить взыскания и выговоры.

В случае экспертных учреждений Минюста нормативы зависят от специфики отдела, его численности и осуществляемых им типов экспертиз. Так, для экспертов-трасологов или баллистов в палочных показателях учитываются экспертизы только по уголовным делам, поскольку именно ими по большей части занимаются соответствующие отделы. В то же самое время для отдела исследования документов, проводящего почерковедческие экспертизы, приоритетные показатели оценки отталкиваются от количества экспертиз по гражданским делам. Несмотря на большую штатную численность, в некоторых отделах в реальности работает очень мало экспертов. По словам информантов, отсутствие новых и уход старых кадров – большая проблема учреждения, предлагающего низкие оклады в контексте запрета совмещения несколько ставок. Даже если штатная численность отдела около 10 человек, но работает в нем трое или четверо экспертов, они не могут получать большую заработную плату с учетом переработок. При этом по пожеланиям руководства они должны справляться со всем потоком, поступающих к ним экспертиз. Тем не менее нормативы по количеству экспертиз отталкиваются от реальной численности отдела. В месяц от отдела, состоящего из двух экспертов, могут требовать около 6–8 экспертиз по учитываемому типу дел.

По оценкам самих экспертов, сейчас поток экспертиз уменьшился. К ним поступают экспертизы, от которых в силу тех или иных причин «отказались» другие учреждения. Эти причины могут быть достаточно формальными, например, отсутствие необходимых материалов, которые при желании можно найти. Таким образом, другие ведомства передают собственную нагрузку. Эксперты Минюста, в свою очередь, также могут перераспределять имеющийся у них поток экспертиз, чтобы обеспечивать себе гарантированное соответствие нормативам. Так, если в один из месяцев к ним поступает запрос на большое количество экспертных исследований в рамках одного дела (например, исследование большого арсенала изъятого оружия и патронов), часть из них переносят на следующий месяц, стремясь закрыть будущую «палку». Большая удача, если такой запрос придет в декабре, тогда часть экспертных исследований можно будет перенести не только на следующий месяц, но и на следующий год, обеспечив себе необходимый палочный объем заранее.

Несмотря на то, что обычно деятельность экспертов Минюста контролируется только по параметрам числа экспертиз и сроков их проведения, ни один эксперт не застрахован от необычных идей начальства по оценке и контролю работы. Так, один из информантов рассказал, что новый начальник подразделения, придя из полиции, решил завести обязательный к заполнению «журнал учета рабочего времени» у каждого сотрудника:

Т.е. у тебя должна лежать была на столе тетрадь разлинованная, и ты должен писать там: пришел во столько-то – да? – с такого-то по такого времени чесал репу, с такого-то по такого времени пил чай, с такого-то по такого времени и так далее, столько-то по телефону разговаривал со следователем, и указываешь кто, чего, по какому вопросу и так далее. Т.е. на одну вот эту писанину в день у человека, если так вот прикинуть, минимум час бы уходило.
(Эксперт-криминалист РЦСЭ Минюста)

Учитывая, что в таких случаях от экспертов продолжают требовать обработки всего потока входящих экспертиз, подобные инициативы оцениваются негативно, так как они тратят время экспертов, но не позволяют более качественно выполнять собственную работу.

Таким образом, подчиненность организационной логике МВД порождает несколько ключевых характеристик экспертной деятельности в ЭКЦ: 1) тесная связь карьерного роста с системой званий (см. выше), 2) множественность показателей для оценки, установка на «манипулирование» ими и 3) значительное количество контрольных подразделений, следящих за их соблюдением. Поскольку наличие звания часто связано со сроком службы, нежели с имеющимся у сотрудника опытом, это может приводить к ситуациям, когда руководящие позиции занимают люди, далекие от рутинной экспертной работы, а также к сомнительным нововведениям с их стороны и увеличиваемому количеству отчетности для рядовых сотрудников. Экспертные же учреждения Минюста по своей внутренней организации, напротив, в большей степени похожи на бюро судебно-

медицинской экспертизы. Несмотря на большую независимость от правоохранительных органов и меньшую отчетность, эксперты Минюста так же прислушиваются к просьбам следствия или дознания, стараясь выполнять экспертизы в более сжатые сроки. При этом в качестве официальных нормативов выступают только количество экспертиз на отдел, зависящее от специфики и численности отдела, и соблюдение рекомендуемого на проведение экспертизы срока в 30 дней.

ЗАКАЗЧИКИ И КОНТРАГЕНТЫ

Выше мы уже затрагивали практики взаимодействия судебных экспертов с внешним окружением в повседневной рутине. Различные **заказчики** (те, для кого делается экспертиза) и **контрагенты** (те, кто еще представлен в профессиональном поле судебно-экспертной деятельности) оказывают значимое влияние не только на ежедневную рутину экспертов, но и на содержательную часть их работы. Для каждого внешнего игрока мы опишем *типовые контексты взаимодействия*, то есть часто возникающие ситуации, в рамках которых пересекаются интересы, а также *организационные стимулы* и условия, определяющие это взаимодействие.

Следствие и правоохранительные органы

Следователи или дознаватели (включая и других представителей правоохранительных органов — полицейских, формально выступающих в качестве органов дознания) как первая инстанция проверки материалов и последующего расследования уголовного дела являются самыми частыми заказчиками судебных экспертиз. При этом эксперты-криминалисты сильнее, чем судебные медики, вовлечены в работу правоохранительных органов в целом и следствия в частности. Однако и для судмедэкспертов также крайне важно иметь налаженные контакты со следствием. По словам одного из наших информантов, *«без плотного взаимодействия с представителями следствия, дознания, в принципе, провести качественную судебно-медицинскую экспертизу или исследование невозможно»* (начальник бюро судебно-медицинской экспертизы).

Типовые контексты взаимодействия

Выезд на место происшествия. В контексте создания конкретной экспертизы контакт со следствием для экспертов начинается с выезда на место происшествия. Это касается дежурных экспертов-криминалистов, а также дежурных танатологов в случае уличной и домашней смерти без очевидных некриминальных причин. Судебные медики, имеющие другую специализацию (медико-криминалисты, эксперты в отделе гистологии, сотрудники отдела сложных экспертиз или отдела экспертизы живых лиц), обычно не выезжают на места происшествий только если они не участвуют в дежурствах в дежурном отделе. Направляемая ответственным дежурным следственно-оперативная группа состоит из следователя или дознавателя МВД, оперативника (или участкового), эксперта-криминалиста отдела. Нередко в специфических случаях привлекаются эксперты-криминалисты с отдельной специализацией (например, автотехническая, или по выявлению причин пожара), и тогда на место происшествия вызывается соответствующий эксперт из ЭКЦ субъектового уровня или даже эксперт из другого ведомства (например, МЧС в случае пожара). Если на месте происшествия обнаружен труп человека, даже когда визуально он не имеет криминального следа, ответственный дежурный из отдела полиции организует выезд межведомственной группы, состоящей как минимум из оперативника, следователя СК и судебного медика. Криминальный труп (то есть с явными свидетельствами насильственной смерти, включая даже самоубийства) всегда воспринимается как ЧП, в связи с чем организуется сбор патрульных (для оцепления места), вызываются участковые (для поквартирного обхода, например), приезжает руководство подразделений, а иногда и отделов МВД и СК.

Формально во время осмотра места происшествия следователь или дознаватель должен руководить процессом и направлять работу экспертов через указания и вопросы. Однако на прак-

тике большинство опытных сотрудников работает слаженно и самостоятельно: каждый знает, что входит в круг его обязанностей. Эксперты прямо на месте стараются дать следователю всю возможную информацию о преступлении. Криминалисты описывают, какие могут быть собраны доказательства и какие по ним можно выдвинуть предположения. Судебные медики определяют давность смерти, описывают видимые при осмотре телесные повреждения и по возможности предполагают ее причины и орудие убийства. Все выводы и действия экспертов заносятся в протокол осмотра места происшествия. Хотя формально протокол составляет следователь или дознаватель, а судмедэксперт-танатолог только подписывается в нем как участник действий, вся часть, касающаяся положения и характеристик трупа, практически дословно заносится в протокол под диктовку судебного медика, иногда вплоть до запятых. Эксперты-криминалисты при изъятии с места происшествия каких-либо предметов надиктовывают следователю соответствующий раздел протокола осмотра места происшествия. Обычно экспертам практически сразу дается направление на проведение экспертизы: танатологу – на вскрытие трупа и установление причин смерти, криминалистам – на исследование собранных на месте доказательств в случае подтверждения информации о криминальности происшествия. В большинстве случаев выезды проходят стандартно, так что у экспертов даже есть свои внутренние правила, оптимизирующие их работу. Если эксперты-криминалисты, входящие в СОГ, приезжают на место сразу же по команде оперативного дежурного, то судебные медики предпочитают выезжать на личном транспорте (чтобы иметь возможность уехать после выполнения своих обязательств) или просят у оперативных дежурных выслать за ними отдельную машину от ОМВД. Это дает им большую гибкость во времени: если следователь еще не оповещен о выезде и может находиться далеко, то судмедэксперты не спешат на место происшествия, поскольку без следователя нельзя начать осмотр. Судебные медики также могут не торопиться на место пожара, если он еще не потушен.

Назначение и проведение экспертизы. Собранные нами материалы позволяют более полно отразить типовой контекст этого этапа для судебных медиков. После окончания вскрытия судмедэксперты связываются по телефону со следствием, чтобы сообщить либо предварительный диагноз, либо важные для расследования дела находки. Тогда же судмедэксперты могут запросить дополнительные, необходимые им для анализа документы и предупредить следствие о том, что им будет необходимо выдать постановление на экспертизу. Последнее касается именно криминальных трупов, то есть тех, чья смерть наступила в результате преступления, а не по другим причинам. В сложных криминальных случаях некоторые следователи могут быть заинтересованы и в том, чтобы присутствовать на вскрытии лично. Тогда эксперт звонит следователю, а тот оперативно приезжает в бюро, где над трупом происходит совместное обсуждение различных версий событий. Там же они могут обсудить спорные вопросы, возникшие у эксперта и вместе прийти к определенным выводам:

О: У нас такая практика, по крайней мере в районе, что в случае обнаружения какого-то непонятного телесного повреждения, которое вызывает сомнение у эксперта, он приостанавливает вскрытие, звонит мне и начальнику уголовного розыска. Соответственно, приезжаем уже, чтобы он наглядно нам показал, какое повреждение имеется на теле, чтобы понимать, как оно образовалось и что нам в дальнейшем-то искать: то ли приложением, то ли предмет – обо что он мог удариться, то ли лицо, которое могло совершить преступление. Лично меня этому научил еще прокурор, который у меня был, чтобы в дальнейшем это было даже при допросе преступника. Чтобы понимать, куда он удар наносил, как он мог удар нанести и соответствующ ли этот удар тому повреждению, который ты увидел при вскрытии...

В: Чтобы можно было сравнить показания подозреваемого и реальные медицинские данные?

О: Это правда, и это легче и уже проверено. Ну и молодым следователям тоже рекомендую, вожу их на вскрытия такие. (Заместитель руководителя районного отдела СК)

Практика присутствия на вскрытиях считается «хорошим тоном» и показывает заинтересованность следователя в работе эксперта, хотя на вскрытии могут присутствовать не только они, но и оперуполномоченные или даже прокуроры. Однако выезд на вскрытие трупа для следователя совсем не типичная рутинная, а все же исключительная. В многолетней практике рядовых экспертов-танатологов в районных отделениях она может встречаться даже реже, чем раз в год,

несмотря на наличие действующего приказа СК⁵². Гораздо чаще практикуются иные формы взаимодействия: следователи просто созваниваются с руководителем танатологического отделения как во время, так и сразу после исследования. Если судебный медик при вскрытии трупа обнаруживает криминальную причину смерти, он обычно приостанавливает исследование и уведомляет об этом следствие и оперативных сотрудников. Это очень сложная с институциональной точки зрения ситуация, которая задействует интересы многих ведомств. В первую очередь это связано с тем, что выявление криминальной причины смерти предполагает совершение преступления и повлечет за собой возбуждение уголовного дела. В случае, если подобный факт выясняется неожиданно, у следствия остается меньше времени и шансов на раскрытие дела, поэтому крайне важен оперативный обмен информацией между следствием и правоохранителями. Так, одним из наших информантов был рассказан случай: человек пришел домой после вечеринки, лег спать, а на утро не проснулся, оказавшись в коме. Он был доставлен в больницу, где умер на следующие сутки. Во время вскрытия обнаружилось, что смерть произошла из-за черепно-мозговой травмы. Эксперт, обнаружив это повреждение, приостановила вскрытие, оперативно сообщила о случае следователям СК и работникам уголовного розыска. Однако время для расследования было упущено, у полиции не было возможности спросить у потерпевшего при жизни, где он находился накануне, но также и провести работу «по горячим следам», опросив свидетелей, так как время между инцидентом и вскрытием составило двое суток. Понимая, что дело, скорее всего, окажется «глухарем»⁵³, эксперт заранее тщательно оформила собственную экспертизу, посоветовавшись с опытной коллегой, поскольку ожидала сопротивления со стороны руководства уголовного розыска. Наличие «глухарей» крайне нежелательно для правоохранительных органов, которые отчитываются по раскрываемости дел, поэтому в данных ситуациях они могут упрекать экспертов в том, что те вовремя не передали им необходимую информацию или каким-либо образом ставят под сомнение экспертное заключение.

Помимо личных созвонов по телефону, практикуются просто визиты следователей СК в соответствующие отделения бюро для того, чтобы забрать документы по предыдущим делам: акт или экспертизу, которую судмедэксперты обычно выполняют в течение 14–30 дней. В рамках таких визитов обсуждают детали текущих событий и результаты недавних вскрытий. В ходе созвонов и визитов следователи быстрее получают перечень выявленных экспертом травм. Это же касается и главных вопросов для следствия: причины и механизма причинения криминальной смерти. Еще до составления акта вскрытия или экспертного заключения (для финализации которых нужно ждать не менее 14 дней – так долго делается гистологическое или биологическое исследование) эксперт может на словах пересказать обнаруженные факты. Поскольку эксперт-танатолог отвечает за финальный документ, он находится на связи с другими подразделениями бюро, чтобы подтвердить или опровергнуть сделанные им предварительные выводы. Эти контакты также осуществляются лично (если танатологи находятся в том же здании, где и гистологи, химическая и биологическая лаборатории, эксперты МКО, что бывает исключительно редко), но чаще всего по телефону. Так, еще до того, как результаты других исследований будут на бумаге переданы эксперту-танатологу внутри бюро, он или она уже знает, подтвердилась или нет его первоначальная версия о причине смерти и делится этой информацией со следствием. Считается, что это поможет следователям в дальнейшем поиске преступников или орудия убийства. Но в реальности это в первую очередь упрощает следствию допросы подозреваемых.

В отличие от следователей СК, дознаватели МВД практически никогда не приезжают в отделения БСМЭ. Сюда чаще направляется либо участковый (УУП), либо инспектор по делам несовершеннолетних (ПДН), либо инспектор ГИБДД (в случае травм, полученных в ходе ДТП), чтобы забрать документы о результатах осмотров живых лиц. Это связано с тем, что дознаватели расследуют преступления, где жертве причиняется не смерть, а нетяжкий или легкий вред здоровью. Такие дела числятся на раскрытии именно соответствующих подразделений, они воспринимаются

⁵² Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 N 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» (отсутствует в открытом доступе, доступ к документу получен через платную систему Консультант Плюс).

⁵³ На жаргоне – возбужденное уголовное дело без шансов на раскрытие.

в системе МВД как более заинтересованные в ходе расследования дела, и именно на их плечи ложится задача по оформлению направляющих документов для экспертных заключений или актов экспертных исследований. Это не только направление в рамках проверки материалов или постановление на проведение экспертизы в рамках уже начатого уголовного преследования, но также и сбор первичной медицинской документации по случаю. Например, если избитая жертва никуда ранее не обращалась, он или она придет в БСМЭ в отведенные часы приема только с уже готовым направлением или постановлением от сотрудника полиции. Однако если жертва лежала в больнице или обращалась в травмпункт, участковые или инспекторы ПДН или ГИБДД должны собрать имеющуюся там документацию и подать ее вместе с направлением на исследование или постановлением на экспертизу. Без этого регистратор не примет материалы в работу. На плечи этих сотрудников МВД также ложится коммуникация с экспертами по готовности этих заключений, и они же приезжают в бюро, чтобы забрать документы⁵⁴.

В случае экспертов ЭКЦ МВД рутинное обсуждение полученной с места происшествия информации со следователями и СК и МВД происходит в силу более тесного контакта из-за ведомственной соподчиненности: эксперты оперативно сообщают следствию результаты по уже готовым исследованиям, например, поиску отпечатков пальцев, и консультируют по собранным в ходе осмотра доказательствам. На данном этапе следователю важно понять, что делать с собранными материалами: какие еще назначать экспертизы и какие вопросы задать экспертам.

Наш отдел <...> это для органов следствия как палочка-выручалочка и справочное бюро. Если им что-то неясно, то они всегда обращаются к нам, что, ребята, у нас вот такое дело – что бы из этого могло быть, и что мы из этого дела можем выжать, так сказать. Обнаружили какой-то непонятный предмет на месте происшествия, они обычно несут его к нам и говорят: ребята, вы знаете, что это такое? Можно по нему что-либо назначить? Можете вы что-нибудь ответить или нет? (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Важно понимать, что следователи связываются не только с теми экспертами, которые непосредственно участвовали в СОГ. Со временем многие следователи «обрастают» контактами экспертов-криминалистов из разных учреждений и со многими из них они будут консультироваться по разным вопросам. Так, следователи могут быть не уверены в том, есть ли в учреждении необходимое оборудование для проведения исследований. В таком случае они могут обратиться к экспертам с просьбой проконсультировать их о дальнейших действиях. К общим вопросам по поводу возможностей экспертов прибегают и молодые следователи, не знающие, какие виды экспертиз реализуются в отдельно взятых организациях:

Зачастую следователь не знает о наших возможностях. Это происходит из-за того, что тоже сменяемость поколений, <...> приходят молодые, кто-то уходит, и вот, если раньше следователи дольше работали на одном месте, и они знали возможности всех экспертных организаций, которые имеются в городе <...> Они знали, что в ЭКО [экспертно-криминалистическом отделе – прим. авторов] делается быстрее, у нас длиннее по времени, но качественнее и больше по содержанию, так сказать. (Эксперт-криминалист РЦСЭ Минюста)

Допрос. Еще одной формой коммуникации между экспертами и следствием является допрос. Его проводят, если после получения заключения следователь считает, что в нем есть недостаточно понятное описание или выводы. Некоторые эксперты не любят допросы из-за сложностей в формулировке вопросов.

Поскольку сейчас большую часть работы – больше половины – составляет так называемые ятрогенные преступления, а допросить врача или любого медицинского работника грамотно может только медицинский работник. Дело не в том, что следователь не компетентен, и вообще сидит, и не понимает, о чем речь, он действительно некоторые специфики не знает и как с одного вопроса перескочить на следующий, и так далее. Вот и всё. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

⁵⁴ Ходжаева Е. Частное» и «публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. – 2011. – № 3 (3). – С. 18–52.

Важно понимать, что допрос – формальная и гарантированная УПК форма взаимодействия эксперта и следствия. Он позволяет прояснить какие-то неточности для всех участников судопроизводства, поскольку далее он включается в материалы уголовного дела. Личная же коммуникация правоохранительных органов с экспертами через звонки и персональные визиты в учреждения – неформальная практика, позволяющая облегчить их ежедневную работу.

Стимулы

Сроки. Основным организационным стимулом в работе правоохранительных органов является соблюдение сроков для расследования уголовных дел⁵⁵. Ограничения по времени и желание быстрее получить заключение от эксперта вынуждают следователей и других правоохранителей просить экспертов ускорить производство уже назначенных экспертиз. Для этого используются уговоры, небольшие подарки, надоедливые звонки и – намного реже – апелляции к вышестоящему руководству, поскольку эксперты намного охотнее откликаются на просьбы, нежели указы или запугивания:

Самый гнусный, с моей точки зрения, следователь, с которым я дальше не хочу работать никогда, – тот, который говорит: мне всё равно, что вы напишете, у меня сроки, мне через неделю надо отправлять это дело в суд, как хотите, что хотите напишите. Вот любая фигня, но за неделю <...>. Ну они не виноваты, они работают в системе, где на первое место сейчас становятся сроки, и в принципе безразличие к дальнейшей судьбе дела, лишь бы всё это загнать побыстрее в суд, соблюсти процессуальные сроки, получить премии, не получить выговор – под это всё и строится дальше. Мы из другой системы, мы не привыкли к такой системе работы. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

Из-за сроков возникают и ситуации, когда следствие пытается подменить допросом проведение дополнительной экспертизы, на которое понадобилось бы больше времени. В подобных случаях руководители учреждений (в наших интервью об этом рассказывали сотрудники БСМЭ) заинтересованы в том, чтобы пресечь такие попытки: это защищает экспертов от траты времени, необоснованных суждений и незафиксированной нагрузки, когда официально экспертиза не отражается в статистике бюро.

Ориентация на результат. Поскольку не менее важным для правоохранителей является выполнение «палок» – за некий период ими должно быть раскрыто определенное количество дел, желательно наличие «глухарей» и т.д., – следователей или дознавателей в первую очередь интересует результат экспертизы, от которого зависит юридическая квалификация деяния и раскрытие дела, но они редко обращают внимание на остальное ее содержание. Эксперты же советуют внимательно относиться к экспертизам и читать их полностью, не только заключение, поскольку любой эксперт может ошибиться и это поставит раскрытие дела под угрозу. Невнимательность со стороны правоохранителей на ранних этапах также мешает экспертам, проводящим последующие экспертизы: если во время первой экспертизы были утрачены или повреждены какие-то доказательства, ненадлежащим образом составлен протокол осмотра места происшествия, то во время повторной экспертизы эксперты будут вынуждены работать с этими ошибками.

Давление. Помимо сроков потенциальное давление на экспертов со стороны следствия или других сотрудников правоохранительных органов может быть связано с характером и непосредственным содержанием экспертизы. В таком случае может сильно увеличиваться количество экспертиз в отношении определенных вопросов, или же правоохранители могут воздействовать на эксперта для того, чтобы он классифицировал деяние определенным образом, поставил конкретный диагноз или пришел к желаемому для следствия выводу. Подобное давление может быть вызвано рядом причин:

1. *Общая уголовная политика и распоряжения, спускаемые сверху, для всей правоохранительной системы.* Сюда можно отнести особое внимание СК к «ятрогенным» преступлениям

⁵⁵ Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

(связанным с дефектами оказания медицинской помощи) и детским травмам, и особенно детской смертности. Они считаются самыми сложными в сфере судебно-медицинских экспертиз и почти всегда проходят через сбор специальной комиссии, которая со всех сторон рассматривает действия врача. «Ятрогенные» экспертизы очень трудозатратны, они требуют длительного анализа как со стороны экспертов, так и врачей, входящих в комиссию. Из-за этого сроки таких экспертиз зачастую достигают нескольких месяцев, и во многих БСМЭ очередь расписана на год-полтора вперед. По утверждениям информантов, «ятрогенная» – один из «любимых» типов дел главы Следственного комитета РФ А. И. Быстрыкина в последние 5–7 лет. До примерно 2013 года таких экспертиз в потоке отделов сложных/комиссионных экспертиз было около 10%, из которых связь между дефектами оказания медицинской помощи и смертью/тяжким вредом здоровью устанавливалась в единичных случаях. Ориентировочно с 2015–2016 гг., по ощущениям экспертов, их количество возросло до 70% общего потока в таких отделах (Начальник бюро судебно-медицинской экспертизы), при этом ни штат, ни зарплаты судмедбюро не повысились, а процентное соотношение положительных заключений осталось тем же – не более 10% комиссий подтверждают связь дефектов и действия врачей с наступившими последствиями (Судмедэксперт, руководитель отдела сложных/комиссионных экспертиз; Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз).

Еще одним примером может выступать распоряжение о том, что арест обвиняемого более желателен, чем его нахождение под подпиской о невыезде, чтобы он не скрылся. В таких случаях у следствия может возникнуть соблазн при неимении надежных доказательств компенсировать их отсутствие выводами эксперта, которые помогли бы обосновать необходимость ареста.

2. *Стремление конкретного руководителя правоохранительных органов обезопасить себя в контексте главных палочных показателей.* В особо важных для правоохранительных органов случаях давление может исходить от вышестоящих начальников. Если для руководства принципиально важно отсутствие «глухарей» по определенной статье, то выводы эксперта, создающие глухое дело, могут стать поводом для его вызова на ковер к генералу. Подобная ситуация особенно актуальна для экспертов ЭКЦ из-за системы их ведомственного подчинения, но может коснуться и медиков.
3. *Ситуация, когда результаты экспертизы противоречат другим собранным доказательствам и «разваливают» дело.* В данном случае у следователя, дознавателя или оперативного сотрудника есть личная мотивация подталкивать эксперта к определенным выводам, поскольку иначе нераскрытое дело пойдет в их личную отчетность.

Представьте себе ситуацию. Я не специалист в уголовных делах, поэтому только на уровне здравого смысла, но представьте себе ситуацию, что возбуждено уголовное дело, которое требует проведения экспертизы. Эту экспертизу посылают проводить в то заведение, которым возбуждено уголовное дело. Можно говорить об объективности? Я считаю, что нет.
(Адвокат по гражданским делам)

Однако здесь же стоит отметить, что у экспертов существует ряд механизмов, парирующих давление со стороны правоохранителей. Значимая часть коммуникации о проведении экспертизы ведется руководством экспертного учреждения, что позволяет сокращать возможности для давления из-за занимаемой экспертом позиции. Руководителю БСМЭ или начальнику отделения ЭКЦ легче отказывать следователям. Как и в случае с неправомерными допросами, руководство судебно-экспертных учреждений заинтересовано в том, чтобы оберегать собственных экспертов от фальсификаций. Также регистраторы (в тех БСМЭ, где они существуют) могут выступать в качестве посредников, которые проверяют укомплектованность материалов и контактируют с участковыми и следствием по выдаче бумаг. Это снижает частоту их контактов с экспертами и уменьшает возможности для давления по поводу сроков проведения экспертиз.

Более того, в данном вопросе эксперты руководствуются и личными соображениями. Эксперты осознают, что в случае согласия на сделку в дальнейшем они окажутся «на крючке» у следователя

или другого заказчика экспертизы и им придется постоянно выполнять их пожелания. Наконец, у экспертов существует некоторый рабочий этиос, оберегающий их от действий, которые могут опорочить их имя. Сообщества экспертов в различных субъектах РФ достаточно узкие. Многие из них знакомы друг с другом или могут навести справки буквально через один контакт, и эксперты дорожат собственной репутацией среди немногочисленных коллег.

Таким образом, мы видим, что стимулы в виде сроков, ориентации на результат и раскрытие дел, общая уголовная политика или действия конкретного руководителя подталкивают следствие и правоохранительные органы к более тесному контакту с экспертами. Типовые контексты взаимодействия становятся пронизаны неформальной коммуникацией, позволяющей более успешно работать над раскрытием уголовных дел: телефонными звонками, визитами в бюро и т.д. Однако внутри подобного взаимодействия могут также существовать определенные конфликты и способы давления, когда следствие пытается тем или иным образом повлиять на выводы эксперта или эксперты напрямую вызываются «на ковер» к руководству. Подобные ситуации, в свою очередь, заставляют экспертов продумывать некие меры самозащиты, например, выстраивание коммуникации с правоохранителями через собственное руководство или регистратуры.

Суд

Типовые контексты взаимодействия

Назначение экспертизы. Взаимодействие экспертов с судом может начинаться на разных этапах, и в первую очередь они зависят от того, какое дело находится на рассмотрении: уголовное или гражданское. В случае гражданских дел суд назначает проведение экспертизы, если считает, что для разрешения вопросов в деле требуются «специальные познания» (ст. 79 ГПК РФ). Суд может назначить экспертизу самостоятельно или по ходатайству сторон. Для этого аппарат суда направляет в экспертные учреждения или экспертам определение о назначении экспертизы. Но в гражданском деле экспертиза может быть инициативно проведена и до обращения в суд сторонами предполагаемого дела. Такие экспертизы могут также учитываться судом, но перед этим суд должен оценить их качество⁵⁶. Характер гражданского состязательного процесса ставит под сомнение назначение экспертизы по инициативе суда, однако ГПК не запрещает это без ходатайства сторон. В рамках же уголовного дела следствие или дознание являются единственными участниками расследования на досудебной стадии, которые имеют право назначать проведение экспертизы, и они практически всегда пользуются этой возможностью. Суд же, скорее всего, будет определять назначение только повторной экспертизы, необходимость в которой возникнет уже на судебной стадии. Если в рамках уголовных дел суд направляет экспертизы и в БСМЭ, и в Минюст, и в ЭКЦ, то для проведения экспертизы в рамках гражданского судопроизводства привлекаются судебно-медицинские бюро и РЦСЭ Минюста. ЭКЦ МВД редко участвует в гражданских делах.

При этом на этапе назначения экспертизы судьи так же, как и следователи, могут связываться с экспертами и уточнять, как лучше сформулировать определенные вопросы, чтобы получить содержательные ответы.

А бывает наоборот, особенно в ятрогенных ситуациях, особенно с судьями, с которыми мы давно вместе работаем. Они звонят, обрисовывают ситуацию и говорят: как мне лучше сформулировать вопрос, чтобы получить на него ответ, а не отписку формальную или же ссылку на какой-нибудь нормативный акт. И мы начинаем думать, как лучше сформулировать вопрос. Иногда даже такие судьи, которые доверяют эксперту, или просто грамотные, они оставляют последним пунктом такой момент: прошу эксперта ответить на [вопросы] или поставить самому себе задачу. Закон позволяет, и грамотные судьи этим пользуются. И слава Богу,

⁵⁶ Определение ВС РФ от 15 августа № 41-КГ23-44-К4 См. также: Верховный Суд напомнил, как следует оценивать экспертное заключение в гражданском процессе // Адвокатская газета — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-napomnil-kak-sleduet-otsenivat-ekspertnoe-zaklyuchenie-v-grazhdanskom-protsesse/> (дата обращения 24.06.2024)

потому что мне тоже интересно бывает иногда выявить что-то, поднять вопрос, на него ответить, и я понимаю, что это в общем-то будет способствовать решению дела. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Но, по словам самих экспертов, судьи советуются редко, и чаще взаимодействие идет через официальные ходатайства. Судьи также реже, чем следователи, обсуждают с экспертами время проведения экспертиз и могут назначать не очень реалистичные сроки.

Допрос. Помимо допроса от следователя или дознавателя, проходящего в тиши следственных кабинетов, экспертов могут вызывать для публичного допроса и дачи пояснений по экспертному заключению в зал суда. Это воспринимается экспертом как «защита» своего заключения в контексте спора сторон по делу. По словам наших информантов, экспертов-криминалистов в суды вызывают редко, судебных медиков, особенно из отделов сложных или комиссионных экспертиз, — чаще. Так, криминалисты скорее будут участвовать в слушании по почерковедческим экспертизам, поскольку по ней можно дать вероятностный вывод⁵⁷, не до конца понятный судьям, истцам или ответчику (в гражданском деле) и стороне защиты (в случае уголовного дела).

Решение о вызове эксперта в суд принимает судья, но ходатайствовать об этом могут разные лица: гражданские истец или ответчик, потерпевший, государственный обвинитель или сторона защиты. И для эксперта важно быть в курсе того, «кто хочет их крови», и хотя бы предполагать, чего могут касаться вопросы. Для этого они могут позвонить судье или помощнику судьи и спросить, кто был инициатором допроса и какой повод для явки. Кроме допроса, то есть комментариев, касающихся уже проведенной экспертизы, может возникнуть ситуация, когда эксперту необходимо ответить на совершенно новые вопросы, которые не ставились на этапе проведения экспертизы. Ситуация вызова эксперта в суд часто подразумевает достаточно оживленную дискуссию, в ходе которой стороны разными способами пытаются получить от него новую информацию, подтверждающую их позицию. Однако эксперт не может отвечать на вопросы вне рамок своей компетенции⁵⁸. Область компетенций — абстрактное понятие, поэтому в каждом конкретном случае суд должен выслушать аргументы сторон и решить, может ли мнение эксперта по какому-либо вопросу быть приобщено к материалам дела и учитываться при вынесении решения судьей. Сами эксперты также часто ссылаются на это правило, оставляя какие-либо вопросы сторон без ответа.

Среди вызовов эксперта в суд для допроса можно выделить следующие сценарии:

1. *Вызов в суд «для галочки»,* когда эксперту необходимо просто подтвердить сделанные им выводы. Экспертам чаще всего не нравятся подобные вызовы, поскольку в суде нужно присутствовать лично и это отнимает у них рабочее время:

Ну, вот, я — одна из моих последних поездок в Н. Сколько там — порядка трёхсот километров туда, да? и потом обратно столько же. <... ...> в суде мне был задан один единственный вопрос: готов ли я подтвердить те выводы, которые я сам составил в этой экспертизе, под которыми стоит моя подпись. Для этого нужно было потерять восемь часов времени [на дорогу]. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Среди экспертов старшего поколения есть некоторое недовольство тем, что раньше эксперт был сильной фигурой в судебном процессе и мог совещаться вместе с судьёй и даже выходить в совещательную комнату. Теперь неформальный статус эксперта в суде близок к статусу свидетеля: его вызывают при необходимости, и после ответа на ряд вопросов он перестаёт быть интересен для суда. Негативное отношение экспертов к вызовам «для галочки» порождает ситуацию некоторого неформального сопротивления, когда эксперт может «отказываться» взаимодействовать с судом желаемым для него образом:

⁵⁷ Говоря просто, вероятностный вывод дает оценку того, с какой вероятностью почерк принадлежит определенному лицу, но в его рамках эксперт не дает однозначно утвердительного или отрицательного ответа, как это бывает в случае других методов анализа.

⁵⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 24.06.2024)

У нас однажды наш коллега, ныне покойный, в этом самом, в суде города N наказал таким образом суд. Его точно так же вызвали в качестве эксперта, в смысле, туда вот, по ранее проведенному им экспертному исследованию в суд. Он эксперт-автотехник. Он приехал. Ему говорят, свидетель выйдите из зала суда, вас вызовут. Он говорит: какой я вам свидетель, я эксперт по делу, я экспертизу проводил. Я никакой не свидетель. Ничего не знаем. Свидетель выйдите из зала суда. Ну, он вышел. Посидел. Потом его, в конце концов, вызывают, эксперт, заходите. Прошел допрос свидетелей там каких-то и их уже отпустили. Он зашел и говорит: так я эксперт или я свидетель? Вы – эксперт. Вот, туда-сюда. Он говорит: вы знаете, как эксперт я имею право, опять же, выслушивать показания свидетелей, давать им свою оценку и так далее. Я хотел бы выслушать показания свидетеля Иванова и показания свидетеля Петрова. Ох, а мы их уже отпустили. А меня это волнует? <... ...> и процесс был сорван. Он говорит: все. До свидания. Я поехал. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

2. *Вызов в суд из-за претензий со стороны защиты.* Эксперты стараются корректно оформить собственное заключение, поскольку его главная цель – выступить в качестве доказательства в суде. Однако с неформальной точки зрения ориентация экспертов на суд шире и больше похожа на внутреннюю интуицию: эксперты стараются провести и оформить свою экспертизу так, чтобы ее нельзя было «разбить» или «развалить». «Разбить» экспертизу в суде значит доказать ее несостоятельность и дискредитировать ее как возможное для суда доказательство, вместе с экспертизой часто «разваливается» и соответствующее дело. Отсутствие каких-либо «ляпов», то есть несостыковок или фактологических ошибок, важно, так как их наличие может подорвать доверие ко всему заключению, даже при в общей сложности корректном выводе. И именно на этом часто играют адвокаты, как бы расшатывая легитимность экспертизы. И хотя, согласно законодательству, у эксперта есть возможность отказаться от данных им ранее показаний в зале суда, это дискредитирует его как эксперта и подрывает его репутацию:

Самая главная шутка такая, что, когда ты пришел в суд, ты должен стоять на своем заключении насмерть, даже если ты понимаешь, что ты вскрыл не тот труп. Основное золотое негласное правило эксперта... <...> Ты не можешь менять выводов в ходе судебного заседания, это бред. Это тебя как эксперта просто опускает. Ты не эксперт просто, если ты вдруг в суд пришел и сказал: ой, а я... (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

В данном случае сторона защиты может и просто «придираться» к экспертному заключению. Тогда допрос будет состоять из вопросов адвоката, который мог даже не читать экспертизу. По мнению одного из наших информантов, подобные допросы происходят, потому что суд не должен оплачивать или обосновывать вызов эксперта. Соответственно, судья ничего не потеряет, даже если вызовет его просто так либо по настоянию адвокатов, которым надо отработать свой гонорар.

3. *Сложные экспертизы или «спор» экспертиз в суде.* В первую очередь они касаются комплексных и комиссионных экспертиз, а также ситуаций, когда перед судом находятся две и более противоречащие друг другу экспертизы. Такие вызовы возникают, так как с ростом сложности экспертизы или при рассмотрении нескольких комиссионных заключений возрастает значимость мнения и пояснений эксперта. Важно понимать, что подобные случаи менее распространены, чем первые два варианта, поскольку в процентном соотношении сложных экспертиз меньше. При этом для многих экспертов настоящая защита своей экспертизы и спор с другими экспертами в зале суда интересны сами по себе: это возможность продемонстрировать свои знания, подискутировать и так же «развалить» чужие экспертизы, которые они считают некорректными. Для таких вызовов многие эксперты готовятся к выступлению в суде заранее: репетируют друг с другом и обсуждают, где в экспертизе есть слабые места. В особенности это касается комиссионных или комплексных экспертиз, проводящихся несколькими экспертами и специалистами, но представляемых только одним экспертом в суде:

К суду мы готовимся, и поэтому очень не люблю судей, которые [говорят] накануне вечером: а у нас завтра судебное заседание, приходите. Вы же, ребята, это ж не в магазин сходить, пачку сигарет купить. Мы готовимся неделями иногда, а если какое-то очень сложное резонансное дело, у меня же комиссия обычно. Допустим, вызывают эксперта-организатора, ну я [иду] в комиссию, мы чуть ли не в ролевые игры играем. То есть у нас кто-то адвокат, так называемый в кавычках, кто-то – прокурор, мы начинаем вопросы кидать, какие мы предполагаем, на чем могут разваливать. Более того, когда ты готовишься к суду, что греха таить, ты иногда замечаешь какие-то слабиночки своей экспертизы. Такие мини-ляпчики, которые, ты не знаешь, по ним тебя вызовут, не по ним тебя вызовут... Но на всякий случай, мы проговариваем, как мы их прикроем. (Судмедэксперт, заведующая отделом сложных/комиссионных экспертиз)

Стимулы

Приговор по делу. Некоторые информанты указывали, что точно знали, что при их допросе у судьи уже было написано решение по делу. В таком случае существует большая вероятность, что допрос экспертов сведется к формальной процедуре, т.к. не будет влиять на итоговое решение. При этом в ситуациях, когда результаты экспертизы не подтверждают основную линию доказательств дела, судья может стараться занимать позицию на подавление мнения эксперта даже при его допросе. В таких случаях судьи могут позволять себе общение, которое информанты рассматривают как хамское, или не пускать эксперта в зал суда под надуманным предлогом.

Ну, и третий тип судей – это которые уже предвзятые, и они начинают использовать свой судебный ресурс для давления на эксперта, вплоть до того, что закрывают эксперту рот, не дают уточнить вопрос, мешают формулировке ответа. (Судмедэксперт отдела сложных/комиссионных экспертиз)

Чаще с этим сталкиваются эксперты, когда приходят в суд в роли специалистов, для комментирования и критики уже имеющихся в деле экспертиз:

Я проводил заключение специалиста, и оно не шло в дугу с материалами дела. Защита попросила меня прийти, чтобы объяснить, что и как. Судье это было не нужно. Я зашел в зал суда, она говорит: «Ваши документы». Обычно мы в суд всегда ходим как: служебное удостоверение и документ о праве производства экспертиз по данной специальности. Все. Больше нам ничего не надо. Н лет я хожу вот таким образом. Даже в Верховный Суд России, извините, я проходил именно по этим документам, и там мою личность удостоверяли именно по моему служебному удостоверению. Тут она мне говорит: «Ваши документы». Я ей показываю документы. «А какие у вас еще есть документы?». Я говорю: «Ну, у меня есть диплом». <... ...> «А паспорт у вас есть?». Я говорю: «А зачем мне паспорт?». Я никогда в жизни по паспорту никуда не ходил. «Ах! У вас не паспорта?! Я не могу вас допустить до судебного заседания». Я говорю: «А почему?». «А я не могу вашу личность установить». Я говорю: «Так вот же служебное удостоверение!». [Судья отвечает:] «Я придерживаюсь буквы закона. А по закону документом, удостоверяющим личность, является паспорт». (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Однако относительно всего массива судебных заседаний с их участием с такими ситуациями эксперты встречаются редко. Каждая из них зависит от личности конкретного судьи, который, по мнению наших информантов, может быть коррумпирован или попросту индифферентен к решению дела.

Контроль вышестоящих инстанций. Деятельность судов контролируют другие суды, следящие за корректностью вынесенного приговора и исполнением законов в ходе судебного процесса. Так, для мирового суда подобной инстанцией является районный суд, для районного – субъектовый и т.д. Главным стимулом судьи при вынесении приговора является желание избежать отмены его решения в ходе апелляции, так как «устойчивость» решений (доля отмененных судебных актов) выступает центральным критерием оценки качества работы судьи в России⁵⁹. Такое стремление определенным образом сказывается и на работе эксперта: судья заинтересован в том, чтобы

⁵⁹ Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 442–447.

экспертиза не имела ошибок и являлась как можно более надежным доказательством в суде. Это подталкивает судей назначать дополнительные или повторные экспертизы в случае каких-либо сомнений, однако в то же самое время эта возможность ограничена для дел, где подсудимый находится под стражей. На период проведения повторных экспертиз приостанавливается следствие и увеличиваются процессуальные сроки, а подсудимый остается в СИЗО. Апелляционная инстанция обращает на это внимание в рамках защиты интересов граждан, находящихся в СИЗО.

Таким образом, помимо назначения экспертиз и взаимодействия с экспертами на стадии постановки вопросов (сюжет, аналогичный взаимодействию с правоохранительными органами), судьи контактируют с экспертами при допросе в зале суда. Эксперт может быть вызван в суд в процессуальном статусе эксперта, специалиста или даже свидетеля. При этом «сила» позиции эксперта в суде уменьшается с переходом от первой к последней роли. Для эксперта интересны вызовы в суд по сложным с профессиональной точки зрения случаям, однако чаще в их практике встречаются так называемые вызовы «для галочки» или для ответов на вопросы стороны защиты, старающейся разбить экспертизу. Для самих же судей важно качество экспертизы, поскольку от него зависит обоснованность принятого судьей решения. Однако помимо этого судьи взаимодействуют с экспертизами, учитывая контроль апелляционной инстанции и угрозу обжалования. По словам наших информантов, редкой, но существующей практикой является также интерпретация судьей результатов экспертизы под желаемый приговор.

Адвокаты (защитники по уголовному делу)

Права ответчика или стороны защиты. Помимо судьи, еще одним участником судебного процесса по уголовному делу, с которым так или иначе взаимодействуют эксперты, является адвокат в статусе защитника или представителя. С точки зрения УПК и ГПК адвокат не может обязать следствие и суд назначить экспертизу или же отказаться от ее назначения. Однако с соответствия со 198 статьей ответчик или сторона защиты могут: 1) ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы, 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, 3) ходатайствовать о проведении экспертизы в определенном учреждении или определенным экспертом, 4) ходатайствовать о внесении в постановление дополнительных вопросов эксперту, 5) с разрешения следствия присутствовать при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту и, наконец, 6) ознакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. Таким образом, адвокаты зависят от суда и следствия, поскольку их ходатайства в любой момент могут быть отклонены. Хотя с формальной точки зрения отказ должен быть обоснован и мотивирован, в реальности некоторые адвокаты жалуются на то, что их вопросы могут отклоняться без должных аргументов. Более того, по словам адвокатов, следователи часто пренебрегают своими обязанностями и не уведомляют их о проведении экспертизы заранее, что мешает стороне защиты реализовывать имеющиеся у нее права: «невозможно просить, например, о присутствии при проведении экспертизы, когда она уже проведена», или участвовать в составлении вопросов к эксперту»⁶⁰.

Следствие в принципе обладает намного большими возможностями в плане использования экспертизы: следователи или дознаватели могут неформально изложить их версию преступления экспертам, посоветоваться о формулировках вопроса с экспертами, непосредственно задействованными в проведении (а значит и заинтересованными в качестве) текущей экспертизы. И хотя некоторые адвокаты, ранее работавшие в следствии, могут компенсировать это имеющимся у них опытом, кажется закономерным то, что многих экспертов не устраивает качество и формулировки вопросов от стороны защиты. Когда адвокат не погружен в содержание экспертной деятельности, велика вероятность того, что он будет задавать эксперту вопросы, на которые тот не сможет дать

⁶⁰ Трифонова Е. Адвокатура формулирует претензии к монополии следствия: Защиту не подпускают к участию в экспертизах ни с начала, ни под конец. Независимая газета. — URL: https://nvo.ng.ru/politics/2024-06-17/3_9029_monopoly.html (дата обращения 24.06.2024)

ответа «в рамках компетенции». Они будут говорить «на разных языках». В уголовном процессе государственные эксперты в основном выступают на стороне обвинения. В некоторых регионах БСМЭ отказывают адвокатам в проведении частных экспертиз от адвокатов-защитников в уголовных делах, выбирая работать только по постановлениям суда, следствия или – в редких случаях – по запросу пострадавших и их законных представителей. Адвокатам-защитникам также тяжело добиться проведения дополнительных или повторных экспертиз на следствии, и нередко в судах, то есть подвергнуть сомнению текущее заключение эксперта:

К сожалению, мы крайне ограничены в правах, потому что добиться назначения экспертизы дополнительной, как правило, это нереально, если только там не допущены действительно какие-то глобальные отступления от требований закона и соблюдения методик... Повторных практически не назначают, потому что никакая экспертиза, выгодная следствию или суду, выводы экспертизы, они никогда не подвергнутся сомнению судом. Под любым «соусом» всё равно примет во внимание суд ту экспертизу, которую посчитает нужным, как и следователь. Либо просто отвергнет все эти экспертизы и примет решение без учёта этих экспертных исследований. (Адвокат, в прошлом следователь)

Для того, чтобы справляться с этой проблемой, адвокаты используют ряд тактических приемов.

Консультации. На разных этапах судопроизводства они привлекают экспертов из частных организаций или своих знакомых из государственных учреждений в процессуальной роли специалистов, чтобы обсудить с ними потенциальное заключение эксперта и такие вопросы, которые бы работали на интерес стороны защиты (см. выше о неформальных подработках экспертов). Это позволяет заранее готовиться к процессу и понимать, о чем можно будет общаться с экспертом, проводящим экспертизу и вызванным в зал суда. Но адвокаты аккуратны в своем взаимодействии с государственными экспертами, так как если они хотят ходатайствовать о том, чтобы в будущем привлечь их как экспертов в своем деле, они не могут воспользоваться их услугами как специалистов (в процессуальном смысле этого слова).

Я, понимая, что в деле, которое я веду, может быть назначена собственная экспертиза в судебном порядке, предпочитаю, чтобы она была в госучреждении. Я, естественно, к [сотрудникам госучреждения] никогда не обращалась за заключением специалиста, потому что впоследствии я к ним как к экспертам обратиться уже не могу и предложить их суду как экспертов не имею права. (Адвокат по гражданским делам)

По некоторым категориям гражданских дел выбор государственных экспертных учреждений ограничен по причине их малого количества в регионе. В таком случае теоретически адвокат может проконсультироваться со всеми доступными специалистами до суда, чтобы понять перспективы дела. Так, например, адвокаты, оспаривающие решения одного из государственных ведомств в одном из северо-западных регионов, знают, что исходя из сложившейся практики по данной категории дел для независимой экспертизы крайне мало экспертных учреждений, особенно государственных. Они обращаются частным порядком для консультации в основные организации (на рынке услуг их буквально две-три) и получают предварительное мнение. После обжалования решения государственного органа адвокаты представляют в суд доказательства (договор об оказании услуг), подтверждающие связь их доверителя и этой организации, что является основанием для отвода такого экспертного учреждения. Тем самым адвокаты вынуждают суд назначить экспертизу в то экспертное учреждение, где результат был более благоприятный, не предоставляя при этом договоров на консультирование с этой организацией. В результате в суд поступает более выгодное истцу экспертное заключение. Это совершенно легальная адвокатская тактика, так как устная консультация сама по себе не означает полноценного исследования всех материалов.

Адвокаты ориентируются в том, какие неформальные отношения существуют между различными государственными и частными организациями, в какой частной компании можно найти кого-то из компетентных гос. экспертов, и кто не постесняется составить критическое заключение в отношении экспертизы, проведенной его коллегой из другого учреждения.

С государственными экспертами тоже общаюсь, но это редко просто. У нас есть определенные человеческие отношения, но люди меняются и гораздо проще разговаривать с частными

учреждениями. А потом, здесь и не такой большой мир. То есть все друг друга знают. Скажем, люди, которые работают в государственном учреждении на [улице N], они в неслужебное время работают через дорогу [улицы N], либо [в частном учреждении на улице M]. Поэтому, как они? Государственные? (Адвокат)

Вызов специалиста. Адвокаты также понимают, что суд придает намного большее значение заключению эксперта, нежели специалиста (см. выше). К работе и личности эксперта предъявляются более строгие требования, их деятельность более регулируема и подконтрольна, в качестве же специалиста может быть привлечено любое лицо, и суд вправе не приобщить его заключение и показания к делу. Адвокаты не надеются, что само по себе заключение специалиста будет играть ключевую роль как полноценное доказательство в деле. Задача заключения и последующих показаний специалиста в суде инструментальная – убедить судью в том, что экспертиза, находящаяся в деле, имеет изъяны. В данном случае привлечение сторонних специалистов используется как единственный способ оспорить предлагаемое экспертом заключение, поскольку судья обязан провести допрос специалиста. Самое эффективное, но одновременно и самое сложное, трудозатратное и финансово обременительное – это найти в качестве специалиста такого профессионала, мнение которого было бы важным и для суда, и для самих экспертов. При этом защитники могут тактически манипулировать временем, чтобы обеспечить явку специалиста до допроса эксперта в суде и тем самым организовать перекрестный допрос эксперта тем высококлассным специалистом, которого они привлекли в дело. Отметим, что это исключительная практика даже с точки зрения опытных адвокатов.

Насчёт перекрёстного допроса... в этом смысл специалиста! Мы находим специалиста классом выше. Притаскиваем его до допроса эксперта и потом разъясняем тем, кто об этом не знает, что специалист вправе задавать вопросы участникам судопроизводства и в том числе эксперти. И у меня такое прокатило навскидку как минимум два раза. Как-то у нас было заключение по почерку начальника ЭКЦ области по техническому изучению документов. Значит, я... знаю, что у нас головной вуз в МВД по подготовке экспертов это Волгоградская академия МВД. У меня партнёр [имя] летит в Волгоград, приходит в академию МВД и говорит, кто главный по документам? Ей говорят вот зав. кафедрой. Она приходит к зав. кафедрой. Ну, тогда это было не как сейчас, тогда попроще это было. [полностью ФИО] завкафедрой технического исследования документов. Она приезжает суд и размазывает по всем стенам зам начальника ЭКЦ в ходе её допроса... и те, значит, попытались на нее наехать: «А другой специалист может не согласиться с вашими выводами?». Она говорит: «А кто? Вот этот что ли из Москвы, да? Не будут они со мной спорить». Потом что-то ещё она говорит-говорит в конце, что того, кто проводит такие исследования, этого человека нужно лишать лицензии на проведение. Кто-то там с другой стороны: «Но это не вам решать». «В смысле не мне? Я член экспертного-методического совета в России. Я это решаю». То есть смысл в чем? Во-первых, функция специалиста – это допрос эксперта. И второе, если уж вы беретесь специалиста привлекать, то вы должны найти специалиста на голову много выше и обеспечить его участие в допросе эксперта. (Из выступления адвоката с полицейским опытом, из материалов практикума для адвокатов, Тюмень 30.04.2024)

Описывая такие техники, стоит отметить, что действия адвокатов в роли защитника в уголовном деле или представителя в деле гражданском будут различаться. В первом случае у стороны защиты меньше люфт действия и адвокаты склонны принимать тактические решения, направленные на то, чтобы «не проиграть», то есть не получить обвинительный приговор⁶¹. Во втором случае у адвокатов будет больше вариантов для защиты интересов своего клиента.

Стимулы

Приоритет тактических действий. Как было сказано выше, в гражданском процессе адвокаты обладают значительно большим репертуаром действий, в административном – он снижается, а в уголовном процессе у адвокатов со стороны защиты остается набор в основном тактических, а не стратегических действий. Репертуар возможностей стороны защиты также зависит от того,

⁶¹ Ходжаева Е. А., Рабовски (Шестернина) Ю. В. Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. – 2015. – № 2 (27). – С. 135–167.

на какой стадии адвокат вступил в дело. Больше шансов получить благоприятный для клиента исход в условиях российского обвинительного уклона уголовной юстиции имеется на стадии проверки материалов до возбуждения уголовного дела (в рамках так называемой превентивной защиты). Здесь у защитника есть возможность отслеживать показания как доверителя, так и свидетелей, и выстраивать позицию так, чтобы следствие (или полицейское дознание) выбрало более мягкую квалификацию обвинения или вовсе отказалось от него и не возбуждало уголовное дело. Однако если дело уже возбуждено, то возможности продвинуть позицию ограничиваются. Чаще всего защита выбирает выжидательную позицию, отслеживая процессуальные недочеты следствия, которые потом можно обсуждать и использовать как основу для неформального торга в суде. Активная же защита в случае назначения экспертиз в рамках следствия предполагает включение в процесс постановки вопросов для экспертов и даже ходатайства о дополнительных экспертизах на следствии. На судебной стадии обсуждения уже проведенных на следствии экспертиз самым важным ресурсом для защитников является формирование сомнений у суда с целью назначения повторной экспертизы. Для этого используются не только процессуальные недочеты (например, нарушение правил назначения экспертиз) и показания специалистов (см. выше), но и перекрестные допросы эксперта адвокатами:

Доходит дело до суда, меня вызывают в этот суд. Суд присяжных. Я почему это дело хорошо запомнил, помирать буду – не забуду, потому что меня никогда в судах так не пытали, как в этом суде. У него 3 адвоката, и эти 3 адвоката сначала 3 часа пытали меня без присяжных на предмет признания моей экспертизы незаконной и недопустимым доказательством по делу. Допрос перекрестный, то есть он один вопрос задает, я отвечаю, и тут же второй вопрос, я отвечаю, третий. И так вот они по очереди. Я стою выжатый как лимон просто. <... ...> Спрашивают, ух, донельзя. Они же юристы. Самые тонкости! а кто вам эту экспертизу поручил, а имел ли право тот товарищ, который поручил, вам эту экспертизу назначать, а имел ли право ты сам эту экспертизу делать, а имел ли следователь право тебе ее назначать, и пошло-пошло-пошло (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Круг экспертов как ресурс защиты. Как говорилось ранее, адвокаты постепенно обрастают кругом известных специалистов, могут формально или неформально (например, в силу прошлого опыта в следствии) обращаться к знакомым экспертам, чтобы проконсультироваться по тем или иным экспертизам в деле. Иногда неравнодушные эксперты, видя ошибки коллег, включаются в дело со стороны защиты. Так, адвокаты играют на профессиональной гордости и репутации экспертов, их стремлении очистить профессию от коллег, халатно подходящих к работе:

При обыске у него изымают четыре патрона, четыре боевых патрона. Патроны это 222-я. Естественно, назначается экспертиза. Экспертизу проводит милицейский эксперт, который пишет, что да, патроны боевые. Он их отстрелял, они нормально отстреляны, были пригодны к производству выстрелов. Деваться некуда, казалось бы. Адвокат – бывший следователь, кое-что в этих делах понимает. Он приходит к нам, говорит, посмотрите экспертизу милицейскую, мне что-то она не нравится. А экспертизы выполнена, казалось бы, по всем канонам. <... ...> Я начинаю смотреть его же экспертизу и вижу – фотографии. <... ...> а на капсюлях какие-то следы, нехарактерные для бойка. <... ...> Я адвокату говорю, слушай, потребуй-ка ты назначение повторной экспертизы, придержи к чему-нибудь. И дай мне эти гильзы, я их посмотрю. (Эксперт-криминалист, заведующий отделом в РЦСЭ Минюста)

Тип контракта. Вышеперечисленное обычно важно для активной защиты. Однако для тех защитников, кто работает не за деньги клиента (по соглашению), а по назначению следствием и судом, стимулы кардинально меняются. При таком типе контракта адвокат скорее солидаризируется с рабочей группой расследования уголовного дела и в меньшей степени (исключения, конечно, имеются) заинтересован в поддержании позиции клиента. Он скорее стремится проявить свою адекватность и если и выторговывает лучшие условия для подзащитного, то через лояльность интересам следствия и суда, не создавая для них процессуальных проблем и не растягивая дело. В обмен на скорость и «адекватность» такой стратегии защиты подсудимый может получить по итогу меньшее наказание. В таком случае адвокаты не склонны взаимодействовать с экспертом, ходатайствовать о проведении дополнительных экспертиз и тем более искать высококлассных специалистов для вызова в суд.

Итак, будучи самой институционально слабой стороной в уголовном процессе адвокаты лишены возможности назначения экспертизы. Однако они могут прибегать к достаточно большому количеству тактических приемов и уловок для защиты интересов своего клиента: консультации с экспертами в рамках превентивной защиты, оспаривание экспертиз по процессуальным недочетам, вызов экспертов в суд в статусе специалистов для того, чтобы поставить под сомнение корректность имеющейся в деле экспертизы. Мотивация адвоката и его взаимодействие с экспертом сильно зависят от характера дела (уголовное, административное или гражданское) и от его стадии (проверка материалов до возбуждения, первое слушание, когда можно успеть привлечь специалиста или подать соответствующее ходатайство, и т.д.).

Таким образом, самой близкой как с формальной, так и с неформальной точки зрения для экспертов стороной является следствие СК и иных правоохранительных органов: в ходе своей повседневной работы эксперты постоянно взаимодействуют со следователями, дознавателями, оперуполномоченными или другими сотрудниками полиции. Их объединяет множество этапов совместной работы над раскрытием уголовного дела: выезды на места происшествия и коммуникация во время проведения экспертизы. В меньшей степени эксперты взаимодействуют с судом. Наиболее распространенной ситуацией здесь является допрос, когда эксперт непосредственно вызывается в зал суда. При этом эксперт может быть привлечен как в качестве формальности, так и для разъяснений по действительно сложной экспертизе, породившей спор сторон. Наконец, взаимодействие с адвокатами не является обыденностью для всех экспертов в рамках уголовного дела. Опуская ситуации, когда эксперт, выступающий на стороне обвинения, допрашивается стороной защиты в зале суда, можно сказать, что адвокаты обращаются к экспертам «точно», используя знания и статус конкретных экспертов в своих целях.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Данный отчет нацелен на то, чтобы восполнить пробел в публичном поле и описать организационные стимулы и условия работы судебных экспертов для широкой публики понятным языком. Экспертная деятельность регламентируется в России специальным федеральным законом⁶². Экспертные бюро в нашей стране разделены по ведомственной принадлежности. С одной стороны, процессуальное законодательство постулирует принцип независимости эксперта. Нормативное видение законодательства верхнего уровня понимает эксперта как единичного субъекта – свободного и независимого носителя знания. Но с другой – уже ведомственный нормативный контекст (приказы по ведомствам, внутренние правовые акты учреждений) ставят эксперта в зависимость по вертикали (руководство и иерархия) и по горизонтали (коллегиальный контроль, методики, правила рутины, наставничество). В данном отчете рассмотрены два наиболее распространенных вида экспертной деятельности: судебно-медицинская и криминалистическая экспертизы.

1. Эти два направления существенно отличаются по образовательному и карьерному треку вовлеченных экспертов. Будущие судебно-медицинские эксперты обязаны получить полноценное медицинское образование, включая ординатуру (ранее интернатуру), во время которой они и получают отдельную специальность по судебной медицине. В дальнейшем им, как и всем врачам, необходимо лишь повышение квалификации в определенные периоды времени. Рекрутинг в эксперты-криминалисты значительно более вариативен. Он может включать: а) окончание специализированного экспертно-криминалистического подразделения в учебных учреждениях, подведомственных правоохранительным органам (такой образовательный трек сразу дает минимальное число допусков по производству наиболее частых экспертиз), б) получение высшего образования в ведомственных вузах по любой другой специальности, в) случайный приход в правоохранительные органы с иными целями и относительно случайный выбор экспертной специализации. Для вариантов «б» и «в» допуски для работы экспертом-криминалистом получаются на рабочем месте в период стажерства.
2. Мотивация при выборе профессии у рассматриваемых двух групп экспертов часто схожая. Будущих экспертов увлекает участие в сборе и оценке доказательств: установить факты, помочь расследованию дела, «докопаться до истины», а для экспертов-медиков – в том числе и обладать определенной независимостью внутри медицинских учреждений.
3. Профессиональная идентичность у названных двух групп экспертов различается. Судебно-медицинские эксперты мыслят себя как представителей медицины. Этому способствуют как их общий с другими врачами образовательный трек (обязательное медицинское образование), так и включенность в учреждения здравоохранения. Референтная группа для них – это их коллеги из БСМЭ или медики-клиницисты, которые включаются в совместную работу над сложной комиссионной экспертизой. Эксперты-криминалисты редко имеют обязательное профильное образование. Эта группа более инклюзивна к бывшим работникам других подразделений правоохранительных органов или даже к внешним людям. Профессиональная идентичность складывается на месте, в ходе работы в конкретном правоохранительном ведомстве, включая центр судебной экспертизы Минюста, и поэтому ближе к юридической профессии.
4. Карьерные траектории в экспертной деятельности имеют свою специфику. Судебные медики обычно рекрутируются в одно единственное в регионе бюро и начинают работу с наиболее загруженных районных отделений, отделов в бюро (танатологических, дежурных) и специализированных подразделений (например, химической лаборатории). По мере карьерного продвижения им открываются позиции по вертикали (руководящие должности в отделах), или становится возможен переход по горизонтали в более «ста-

⁶² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 24.06.2024)

тусные» подразделения, проводящие, в частности, сложные экспертизы, или реализующие наиболее наукоемкую часть, например, гистологию. Эксперты-криминалисты также имеют горизонтальное (расширение допусков и специализация на наиболее наукоемких экспертизах) и вертикальное карьерное продвижение. Последнее в условиях Экспертно-криминалистического центра МВД (ЭКЦ МВД) сопряжено с продвижением не только по должностям, но и по званиям.

5. В отношениях заработной платы, собираемой отчетности и связанной с этим нагрузки (чаще всего бумажной) бюро судебно-медицинской экспертизы организационно зависят от комитетов, министерств и прочих органов субъектов РФ в сфере охраны здоровья граждан, а неформально – от больниц, с которыми они часто соседствуют территориально. Это накладывает на работу судебных медиков определенные трудности: эксперты сталкиваются с необоснованными, по их мнению, требованиями к отчетности, плохой материальной оснащенностью отделений и ситуациями, когда оплата их труда не коррелирует с затраченными усилиями и временем. При этом типичный рабочий день судебно-медицинского эксперта отличается в зависимости от его специализации. Для экспертов подразделений экспертизы трупов, живых лиц, дежурных и экспертов смешанного профиля он наполнен достаточно стандартизированными задачами (вскрытия, осмотры живых лиц и выезды на места происшествия), однако им сложнее прогнозировать собственную нагрузку из-за неподконтрольных им факторов (количество трупов, внеурочные освидетельствования, срочные выезды и т.д.). В то же время поток задач медицинских криминалистов и экспертов в отделах сложных экспертиз более стабилен, а в список обязанностей последних входят задачи, связанные с составлением комиссий. Эксперты общего профиля, в отличие от медиков-криминалистов, также взаимодействуют с живыми лицами (в экспертизе потерпевших – общение в ходе осмотров) и родственниками как потерпевших, так и умерших, что требует от них сильного эмоционального напряжения: контакта с людьми, которые недавно пострадали или потеряли близких. Для того, чтобы снизить количество таких эмоционально насыщенных взаимодействий (впрочем, как и бумажной работы), во многих отделениях БСМЭ работают регистраторы – первые сотрудники, с которыми сталкиваются приходящие в бюро заказчики экспертизы, пострадавшие или родственники умерших.
6. В рамках системы линейно-штабной подчиненности эксперты-криминалисты, принадлежащие к МВД, включены в профессиональную иерархию ФГКУ ЭКЦ МВД России и одновременно с этим работают при соответствующих территориальных органах МВД. Подобная система тесно связывает их с деятельностью полиции с точки зрения рутинных практик и ценностно-профессиональной ориентации, а также дает определенные материальные и социальные гарантии, связанные со службой в министерстве.
7. Подчиненность организационной логике МВД порождает несколько ключевых характеристик экспертной деятельности в ЭКЦ: 1) тесная связь карьерного роста с системой званий, 2) множественность показателей для оценки, установка на «манипулирование» ими и 3) значительное количество контрольных подразделений, следящих за их соблюдением. Поскольку наличие звания чаще связано со сроком службы, нежели с имеющимся у сотрудника опытом, это может приводить к ситуациям, когда руководящие позиции занимают люди, далекие от рутинной экспертной работы, а также к сомнительным нововведениям с их стороны и увеличивающемуся количеству отчетности для рядовых сотрудников. Сами эксперты воспринимают причастность к силовой организации, сочетающей элементы гражданской и военной службы, отчасти как помеху своим профессиональным обязанностям, поскольку с этим сопряжено некоторое количество формальных правил и ритуалов, которые надо соблюдать
8. Эксперты Минюста имеют организационную вертикаль только внутри собственного министерства. Это делает их более независимыми от правоохранителей с точки зрения рабочего процесса, но и лишает их привилегий, имеющихся у сотрудников МВД, в первую очередь – социальных льгот и более высокой заработной платы. Экспертные учреждения Минюста по своей внутренней организации в большей степени похожи на бюро судебно-медицинской экспертизы. Несмотря на большую независимость от правоохранительных

органов и меньшую отчетность, эксперты Минюста так же прислушиваются к просьбам следствия или дознания, стараясь выполнять экспертизы в более сжатые сроки. При этом в качестве официальных нормативов выступают только количество экспертиз на отдел, зависящее от специфики и численности отдела, и соблюдение рекомендуемого на проведение экспертизы срока в 30 дней.

9. Самой главной частью всей экспертизы является ее заключение, то есть выводы эксперта. Именно они в дальнейшем перейдут в обвинительное заключение (акт) и/или решение суда. Из заключения эксперта следует нередко и юридическая квалификация преступления. Например, для судебно-медицинских экспертиз в нем определяется наличие или отсутствие вреда, причиненного здоровью человека, его степень, механизм причинения повреждений и — главное в случае экспертизы трупа — причинно-следственная связь между повреждениями и наступлением смерти. Это непосредственным образом определяет дальнейшие юридические решения правоохранителей и судей по квалификации деяния и прочее. Финальная «задача» заключения эксперта — выступить в качестве источника надежного доказательства при вынесении решения по делу. Поэтому при написании экспертизы по криминальным случаям эксперты уделяют большое внимание тому, чтобы составить заключение должным для суда образом: грамотно и корректно оформить всю документацию, не допустить каких-либо фактологических неточностей.
10. С нормативной точки зрения экспертиза представляется как линейный процесс, начинающийся с запроса заказчика (следователя, суда или частного лица) и продолжающийся ходатайствами в экспертные учреждения и выводами эксперта. Однако в реальности она является продуктом нелинейного коллективного труда, в ходе которого эксперты постоянно обсуждают, согласуют и даже корректируют с заказчиками поставленные перед ними вопросы и сроки. Если нужны какие-то новые материалы для исследования, эксперты напрямую обращаются к заказчикам и только потом оформляют ходатайства на бумаге. Чем сложнее экспертиза, тем большего плотного взаимодействия она требует между теми, кто направил постановление на ее проведение, и экспертами. После того, как экспертиза выполнена, взаимодействие может быть продолжено как для неформальной консультации по полученным выводам, так и для официальных допросов эксперта на следствии или в суде.
11. Заключение является продуктом коллективной работы не только самих экспертов (часто совместно обсуждающих экспертизу, даже если она формально поручена только одному из них), но и вспомогательного персонала (лаборантов, регистраторов и санитаров). Для производства экспертизы важны также имеющиеся в бюро или центре наработки и шаблоны, не только коллективные, но и индивидуальные.
12. В рутинных практиках принято разделение на простые и сложные случаи. Первые занимают больше технического времени, а вторые нуждаются в лучшем осмыслении. В таких случаях практически всегда эксперты советуются — с руководством, с коллегами, с бывшими наставниками. В зависимости от содержания каждая экспертиза может быть более или менее стандартизированной, и эксперты активно ищут способы автоматизации собственной деятельности, чтобы оставить место для творческой стороны своей работы. Шаблонизация — основной институциональный механизм, позволяющий справиться с потоком экспертиз, быстро разобрав «простые и несложные» случаи и оставив время для тех экспертиз, где нужно подумать или посоветоваться с коллегами.
13. Стимулы в виде сроков, ориентации на результат и раскрытие дел, общая уголовная политика или действия конкретного руководителя подталкивают следствие и правоохранные органы к более тесному контакту с экспертами. Типовые контексты взаимодействия становятся пронизаны неформальной коммуникацией (телефонными звонками, визитами в бюро или центр), позволяющей более успешно работать над раскрытием уголовных дел. Однако внутри подобного взаимодействия могут также существовать определенные конфликты и способы давления, когда следствие пытается тем или иным образом повлиять на выводы эксперта или эксперты напрямую вызываются «на ковер» к руководству правоохранительных органов. Подобные ситуации, в свою очередь, заставляют экспертов продумывать некие меры самозащиты, например, выстраивание коммуникации с правоохранителями через собственное руководство или регистратуры.

14. Главными контекстами, в которых эксперты взаимодействуют с судом, становятся ситуации назначения экспертиз и допросы в зале суда. В первом случае судьи ведут себя схоже с правоохранительными органами, корректируя ставящиеся ими вопросы с экспертом. Для допроса же эксперты вызываются в суд в разных процессуальных статусах: эксперта, специалиста или даже свидетеля. Последняя из этих ролей может быть неприятна для многих экспертов, так как в данном случае они обладают наименьшими полномочиями в зале суда. В первую очередь для эксперта интересны вызовы в суд по сложным с профессиональной точки зрения случаям, однако они достаточно редки. Намного чаще встречаются вызовы «для галочки» или для ответов на множественные и утомительные вопросы стороны защиты, старающейся «разбить» экспертизу. Сами судьи высоко ценят экспертизу как доказательство, но в своих решениях они вынуждены учитывать контроль апелляционных инстанций и угрозу обжалования их решений.
15. Будучи самой институционально слабой стороной в уголовном процессе, адвокаты лишены возможности назначения экспертизы. Однако они могут прибегать к достаточно большому количеству тактических приемов и уловок для защиты интересов своего клиента: консультации с экспертами в рамках превентивной защиты, оспаривание экспертиз по процессуальным недочетам, вызов экспертов в суд в статусе специалистов для того, чтобы поставить под сомнение корректность имеющейся в деле экспертизы. Мотивация адвоката и его взаимодействие с экспертом сильно зависит от характера дела (уголовное, административное или гражданское) и от его стадии (проверка материалов до возбуждения, первое слушание, когда можно успеть привлечь специалиста или подать соответствующее ходатайство, и т.д.).

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков	<i>научный руководитель</i> , доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), Ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)
Руслан Кучаков Мария Шклярчук	<i>директор по исследованиям</i> , экономист, специалист по регулированию юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению
Дмитрий Скугаревский	PhD (The Graduate Institute of International and Development Studies), ассоциированный профессор по эмпирико-правовым исследованиям им. С.А. Муромцева, экономист, специалист по Law & Economics, судебной статистике, микроэконометрике, Big Data
Екатерина Ходжаева	кандидат социологических наук, специалист по исследованиям юридической профессии, полиции, судов присяжных
Тимур Бочаров	PhD (University of Kent), специалист по сравнительному правоведению, юридической профессии и деликтному праву
Алексей Кнорре Владимир Кудрявцев	PhD (University of Pennsylvania), криминолог криминолог, специалист по регулированию
Денис Савельев	кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам
Дарья Кузнецова	юрист, специалист по регулированию
Дмитрий Серебренников	социолог, историк, специалист по surveillance studies
Сергей Бондарьков	эконометрист, специалист по работе с финансовыми данными
Дарья Никитина	социолог, специалистка по социальным исследованиям экспертной деятельности
Дмитрий Бобриков	социолог, аналитик данных
Антон Афанасьев	политолог, специалист по сравнительным исследованиям, аналитик данных
Арина Гегельман	социальный антрополог, специалистка по социальным исследованиям судебной медицины
Виктор Леденев	эмпирический исследователь права

Административный директор – **Мария Батыгина**

Администратор – **Анна Яско**

Наши книги

- *Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук.* Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. – 476 с.
- *Т. Бочаров, А. Дмитриева.* Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком: монография. М., 2021. – 232 с.
- *Т. Бочаров, Е. Моисеева.* Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. – 278 с.
- *К. Титаев, М. Шклярчук.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. – 192 с.
- *В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев.* Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. – 272 с.
- Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. М., 2015. – 320 с.
- Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. – 568 с.
- По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России. М., 2014. – 331 с.

Аналитические записки и обзоры

- *Т. Бочаров, Д. Савельев, Д. Скугаревский.* Арбитражные споры по видам экономической деятельности сторон: аналитический обзор. СПб., 2022. – 20 с.
- *Р. Кучаков, Д. Скугаревский.* Контроль и надзор в 2021 г. Возврат к норме или новая парадигма?: аналитический отчет. СПб., 2021.
- *Д. Савельев, Д. Скугаревский.* Нормы о невозможности исполнения обязательств: обзор практики арбитражных судов. СПб., 2021. – 24 с.
- *К. Рунова, Д. Скугаревский, Л. Жижин.* Тюремная география, денежные переводы и социальные связи заключенных: аналитическая записка. СПб., 2021. – 18 с.
- *Д. Савельев.* «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка. СПб., 2021. – 17 с.
- *К. Титаев.* Нормы и практика в уголовной политике: разрывы и дисбалансы. СПб., 2020. – 15 с.
- *Д. Скугаревский, Р. Кучаков.* Сценарии расширения мер государственной поддержки экономики при пандемии. СПб., 2020. – 6 с.

Все материалы сотрудников ИПП Вы всегда можете найти на сайте www.enforce.spb.ru

